

Арина
Арская

ПОСЛЕ ИЗМЕН

рот закрой и будь мудрой женщиной

Арина Арская

После измен. Рот закрой и будь мудрой женщиной

<https://litres.ru/74294267>

Аннотация

— Закрой свой рот! — от баса мужа вздрагивает хрустальная люстра над моей головой. — Как же ты меня...

Он хочет выругаться матом, но медленно выдыхает и сжимает кулаки, глядя на меня исподлобья. На его виске вздулась вена.

— Как же ты меня утомила, дорогая, — Демьян понижает голос до разъяренной хрипотцы. — Ты бы знала...

— Ты ответишь на мой вопрос?! — срываюсь в судорожный шепот. — Говори! У тебя кто-то есть?!

— Да, — он не отводит взгляда. Глаза, как льдинки, — теперь ты успокоишься?

Двадцать пять лет брака. Двое детей: старший сын Макар под покровительством отца развивает свой стартап, а дочка Марьяша учится в лучшей кулинарной школе Европы. Демьяну — сорок шесть. Мне — сорок четыре.

И жизнь решила меня удивить не только ранней менопаузой, но и тем, что у моего любимого мужа есть любовница

История о старшем брате Демьяна

Содержание

Глава 1. Мой муж приходит домой только ночевать	5
Глава 2. Жалкая и отвратительная	10
Глава 3. Ты переигрываешь	16
Глава 4. Такое бывает	22
Глава 5. Там будет ясно	27
Глава 6. Освобожу тебе ночи	32
Глава 7. Сказать?	37
Глава 8. Тебя штормит	42
Глава 9. Демьян знает?	47
Глава 10. Как подросток	52
Глава 11. Жестокий	57
Глава 12. Забрал анализы?	61
Глава 13. Мужская ответственность	65
Глава 14. Что ты сделала, чтобы сохранить брак?	69
Глава 15. Это не обсуждается	73
Глава 16. Не смей даже думать об этом	77
Глава 17. Я забираю тебя	81
Глава 18. Зря	85
Глава 19. Посмеешь ли ты	89
Глава 20. Взрослый сын	93
Глава 21. Какого черта?	97
Глава 22. Я люблю его	102

Глава 23. Что это уродство?	106
Глава 24. Я не верю	111
Глава 25. Подключайся к воспитанию, дорогая.	115
Глава 26. Какого черта?	121
Глава 27. Побеседуйте, девочки	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Глава 1. Мой муж приходит домой только ночевать

— Закрой рот!

Я вздрагиваю от баса Демьяна.

Я резко замолкаю, а мою глотку схватывает спазм злости и обиды.

Он опять пришел поздно, а я ждала его на ужин.

И опять я услышала то, что его сначала задержала незапланированная встреча с одним из инвесторов, а потом он застрял в пробке.

Я устала от его отговорок.

Наше семейное гнездо опустело. Дочь учится за границей, а сын живет отдельно и учится быть самостоятельным мужчиной с перспективным стартапом.

Наши шумные семейные ужины остались в прошлом, и я все чаще и чаще сижу вечерами одна за столом.

И мне надоело.

Поэтому я сегодня кричала на Демьяна, как только он зашел за порог нашего дома, в котором мне с каждым днем все хуже и хуже.

Мой муж приходит домой только ночевать.

— Прекрати орать на меня! — Демьян опять повышает голос. — твои истерики уже вот где стоят, — он бьет ребром

ладони по кадыку, — вот где!

Слезы брызжут из глаз от его баса, и накатывает волна жара с потливостью.

Перепады настроения и истерики с плаксивостью — один признак раннего климакса.

Жар с потливостью — второй.

— Сколько можно, Дина?!

— Я ждала тебя на ужин! — вскрикиваю я.

Я не раз говорила ему, что мне одиноко, только он не слышит меня. Я кричу не обвинения. Я кричу о помощи.

Мне сорок четыре, и я теряю свою женское начало. Мой гинеколог на прошлой неделе сказал мне страшное.

Мне грозит ранний климакс.

Я начинаю осознавать, что моя молодость уходит, а вместе с ней я теряю и мужа, которому со мной тошно.

В нем просыпается холод ко мне. На инстинктах чувствует, что я, как женщина, теряю внутреннюю привлекательность и женскую силу.

Мне страшно.

— На ужин?! — рявкает он.

Я пугаюсь, когда он прет на меня размашистым шагом. Огромный и злой. По пути ко мне через гостиную он стягивает пиджак, и мне становится реально страшно, потому что таким я его еще не видела.

Он будто хочет меня убить.

Я прямо вижу, как сдавливает мою шею в стальных паль-

цах и рычит в лицо, что я его достала.

На меня обрушивается слабость и тошнота, но я не в силах отступить хотя бы на маленький шагочек.

— Поужинать?! — откидывает пиджак.

Под тонкой тканью белой рубашки я вижу, как перекачиваются его мышцы.

Я в сорок четыре года получила гормональный дисбаланс, плаксивость и потливость, а мой муж в сорок шесть пышет тестостероном и силой, как племенной жеребец. Он не постарел, он заматерел, и даже мелкие морщинки, которые появляются в уголках его глаз, когда он щурится, выглядят не нитями зрелости, а линиями, которые предупреждают об угрозе и опасности.

— Ну, так пошли ужинать! — он хватается меня за запястье и грубым рывком тащит за собой в столовой. — Я же дома! Давай поужинаем!

— Пусти!

Хватка у него на моем запястье — жесткая и крепкая, и руку мне не выдернуть. Сожмет чуточку сильнее и оставит синяки, а, может, даже кости треснут.

— У нас будет поздний ужин! — он толкает меня к стулу, на который я в растерянности падаю. Наклоняется и ухмыляется, — может, еще при свечах?

— Не надо так со мной...

— А со мной, значит, можно? — отстраняется и зло смеется. — Меня, значит, с порога криками можно встречать?!

От его возмущения, кажется, даже пол вибрирует.

Лучше бы я пошла спать и не ждала его с обидой в сердце.

По щекам скатываются слезы.

За что он так со мной?

Мое сердце пронзает игла страшной догадки, которая во мне зрела очень давно, но я давила ее, не позволяла пробиться на свет и отравить меня.

У него кто-то есть.

— Где у нас свечи? А? — Демьян шагает к узкому комоду в углу у окна и раздраженно выдвигает ящики. — Давай устроим романтику, как ты любишь. И насрать, что я зверски устал!

Вторая страшная мысль, которая вонзается в сердце второй раскаленной спицей: Демьян разлюбил меня.

Обычная история для женщин после сорока... Голова кружится. Столовая размывается перед глазами. Дышать трудно.

— У тебя кто-то есть? — выдыхаю я свой приговор.

Любимую женщину целуют.

У любимой женщины просят прощение за то, что пришел домой поздно.

И слезы любимой женщины пугают и тревожат, а на меня кричат. Со мной Демьян груб и раздражен, будто я стала для него обузой.

Да, обычная история для женщин после сорока.

Мужья остывают, ведь рядом с ними не юная девочка, а

женщина, у которой венерины кольца на шее не уберет никакой крем. Женщина, которую начала по утрам тревожить сухость в том месте, а раньше оно было сладким и сочным.

Женщина, у которой появляются седые волосы.

Демьян оглядывается на мой тихий вопрос, а затем весь разворачивается ко мне.

Он хочет выругаться матом, но медленно выдыхает и сжимает кулаки, глядя на меня исподлобья. На его виске вздулась вена.

— Как же ты меня утомила, дорогая, — Демьян понижает голос до разъяренной хрипотцы. — Ты бы знала...

— Ты ответишь на мой вопрос?! — мой голос в отчаянии срывается в судорожный шепот. — Говори! У тебя кто-то есть?!

Я должна услышать правду.

Пусть станет палачом, и тогда мои слезы, что ручьями льются из глаз, будут оправданы.

И я стану одной из тысяч женщин, которых после сорока разлюбили мужья и от которых эти мужья отдыхают в жарких объятиях молодых красавиц.

— Да, — он не отводит взгляда. Голос успокаивается, а глаза, как льдинки, — теперь ты успокоишься?

Глава 2. Жалкая и отвратительная

Когда женщина просит мужа признаться, есть ли у него кто-то, то она до последнего надеется, что он ответит отрицательно и что он кинется разубеждать ее страшные догадки.

Но мой муж ответил утвердительно, и его слова были подобны ударам биты, которая оглушила меня.

Я аж покачиваюсь, словно меня действительно ударили по голове.

— А вот и свечи!

Демьян зло вставляет высокие белые свечи в низкие подсвечники, а после раздраженно расставляет их на столе.

Я не чувствую ни ног, ни рук. Только удары сердца отзываются в висках пульсирующей болью.

Я, кажется, даже не дышу.

— Нет... — шепчу я. — Нет...

Демьян за своим гневом меня не слышит.

Может, у него просто из-за злости вырвались слова о любовнице? Может, я действительно сегодня была слишком громкой, требовательной и истеричной?

За женским отчаянием на меня накатывает противное чувство вины.

Я достала Демьяна, вот он и вспылil.

— Ты... — подаю я вновь голос и поднимаю глаза на Демьяна, — ты просто... зол, да, и ты...

Замолкаю.

Демьян переводит на меня тяжелый взгляд, под которым мою грудь сдавливает стальным корсетом.

Да, вспылil, но сказал правду.

Наш зрительный контакт длится минуту, а, может, целую вечность, ведь перед моими глазами пробегает вся наша совместная жизнь с радостями и печальями.

За свою женскую жизнь я слышала не одну историю о мужской неверности. Они меня всегда возмущали, злили и вызывали даже агрессию в сердце, но когда я сама с ней столкнулась, то я застыла, как мотылек в янтаре.

Мозг отключился и оборвал мыслительные процессы и эмоции.

Мне кажется, что даже если мне сейчас мизинец отрубят мясницким топориком, то я не почувствую боли и не испугаюсь крови.

— Что ты так на меня смотришь? — Демьян прищуривается, и его взгляд становится острее и холоднее. — Все же успокоилась?

А я хотела сегодня с ним серьезно поговорить о моих тревогах и страхе перед будущим, в котором я перехожу на новую ступень своей жизни без месячных, но с серьезной гормональной терапией.

Но вместо этого я получила обухом по голове.

У моего мужа есть любовница.

А как себя ведут жены, когда мужья признаются им в из-

монах?

У меня вот даже слезы высохли.

Демьян чиркает спичкой о спичечный коробок и поджигает одну из пяти свечей:

— Вот ты и в курсе.

Меня аж передергивает от холодного цинизма в его голосе и кривой ухмылки.

Поджигает фитиль второй свечи.

Я, наверное, должна что-то сказать. Или даже выкрикнуть с ненавистью, но я так и молчу, пребывая в глубокой растерянности.

Через три месяца нашему браку — двадцать пять лет. Серебряная свадьба. Четверть века.

Мозг возвращается к жизни, и у меня начинают дрожать руки.

Я хочу встать. Я приподнимаюсь, но ноги меня не держат, и я опять опускаюсь на стул. Ноги наливаются свинцом отчаяния.

— Мы... же столько лет вместе... У нас же дети...

— Выросли, — Демьян задувает спичку.

Затем он скрывается на кухне, а я смотрю перед собой пустыми глазами.

Демьян выжег мою душу за секунду.

— Так, а что же у нас сегодня на ужин? — доносится из кухни его насмешливый голос. — Как любопытно...

А я то, что на сегодня приготовила, выкинула в мусорное

ведро. Салат из свежего редиса и зеленого лука, домашние тефтели и гречку с грибами.

Я психанула.

— Ты мне предлагаешь жрать из мусорного ведра?

Грохот. Похоже, пнул ведро.

— А к чему тогда были крики? А?

Шаги, и вот Демьян показывается в проёме двери:

— Что ты разоралась тогда про ужин, Дина? Объясни мне, какого черта ты мне закатила сегодня истерику?

— У тебя есть любовница, — тихо отзываюсь я на грани предсмертного шепота, — как давно?

Кстати, большинство женщин задают именно этот вопрос. Почему?

Наверное, мы хотим знать, сколько времени мы были слепыми идиотками. После этого вопроса обычно следует другой:

— Кто она?

— Может, мне еще устроить тебе персональную встречу?

— Демьян уходит от ответа и скрывает правду над насмешкой.

А затем он выходит из столовой:

— Ужина не будет.

Сглатываю, сжимаю кулаки на столешнице и говори:

— Уходи.

— Что что-то сказала? — Демьян возвращается и замирает в проеме дверей грозной скалой. — Прости, дорогая, я

не расслышал.

— Уходи...

Меня вновь ведет под жаром и слабостью немного в сторону. Я чувствую, как под сорочкой из тонкого хлопка по ребрам скатываются крупные капли пота.

Отвратительно.

Я — отвратительная. Слабая, с дрожью во всем теле, липкой кожей от испарины и заплаканными глазами.

Как такую хотеть, да?

— Я вернулся домой, Дина, — медленно проговаривает Демьян. — И я придерживаюсь мнения, что я, как муж, должен ночевать дома.

— Уходи, — в моем голосе больше мольбы, чем женского приказа.

После жестокой казни правдой я заслуживаю того, чтобы меня оставили одну.

Выпотрошенную.

И теперь я хочу собрать все свои выпущенные внутренние в свою бесполезную утробу и зашить толстой иглой скорби о прошлом, в котором осталась любовь, молодость и материнство.

— Я иду в душ и спать, — презрительно кидает Демьян и шагает прочь, — я повторяю, я устал.

Вдох и выдох, а затем я слышу свой крик, в котором бьется горе всех женщин, чьи мужья отвернулись от них после долгих лет брака:

— Оставь меня! Оставь! Проваливай к ней! Господи! Да за что ты так со мной?!

Глава 3. Ты переигрываешь

Мужчины другие.

Они не любят женские крики, слезы и обвинения. Особенно их раздражают истерики от нелюбимых женщин, с которым сердце часто не бьется и с которыми не хочется быть ласковым и эмпатичным.

Мужчины с женщинами, которых они не любят, жестоки, и визги с оскорблениями не вызывают в их душах вину или сожалений.

Я все это понимаю, но я у меня нет власти над моими эмоциями, которые вырываются криками.

— Да как ты смеешь?! — кидаюсь за Демьяном. — Ты тут не останешься! Проваливай!

Я нагоняю Демьяна в гостиную.

Я хватаю с комода милую фарфоровую статуэтку балерины, что привезла из Италии в прошлом года, и швыряю в голову Демьяна.

Стоила диких денег, но муж-то у меня щедрый и купил ее без лишних вопросов и возмущений.

Жену же стоит радовать.

Теперь фарфоровая статуэтка летит в его голову, но я промахиваюсь. Балерина пролетает в сантиметре от виска Демьяна, который медленно, как в замедленной съемке, оглядывается на меня.

Статуэтка балерины летит по дуге вниз.

Глаза Демьяна вспыхивают яростью.

Он не имеет никакого морального права на любовницу.

Не сейчас.

Не после стольких лет брака.

Не после того, как наши дети выросли и выпорхнули из гнезда, а я потерялась в новой жизни без детских капризов, смеха, споров и криков.

Это несправедливо.

Это слишком жестоко.

— Ты ополоумела?!

Фарфоровая статуэтка приземляется на пол и раскалывается на мелкие части.

— Я ополоумела?! Я?! — мой крик переходит в рев раненого зверя. — Я?!

— Успокойся!

— Я не буду успокаиваться!

Пять минут назад я не могла даже сделать вдох от шока, а сейчас фурией скидываю на пол статуэтки, шкатулки, лампы, тарелки и кричу.

Кричу Демьяну, что он подонок и что так нельзя.

Я лечу на него с кочергой, которую выдергиваю из стойки у камина.

Гинеколог меня предупредил, что могут быть вспышки агрессии, поэтому стоит подумать о ромашковом чае.

Замахиваюсь, но Демьян уклоняется, а после он перехва-

тывает мое запястье, сдавливает и ловко проворачивает.

Я роняю кочергу, которую он отпинывает в сторону.

— Пусти!

Демьян меня отпускает, и я оседаю на пол к его ногам, накрыв лицо руками.

Некоторые из женщин любят говорить, что надо быть сильной и невозмутимой, когда узнаешь об изменах мужа.

Красивые слова, но с реальностью они имеют мало общего.

Разве мы можем требовать у человека, которому переломали ногу в нескольких местах, не кричать и не плакать от боли?

Нет, не можем.

А мне переломали душу.

И мне кажется, что физическую боль я бы перенесла легче. Внутри — пусто, но из этой пустоты медленно тянут кишки. Сантиметр за сантиметром.

Я задыхаюсь.

Это подобно смерти. Мучительной смерти, в которой отрезают по маленькому кусочку плоти изнутри.

— Встань, господи...

Демьян со вздохом поднимает меня на ноги за подмышки, а у меня вспыхивает яркое воспоминание, как картинка от проектора на белой стене.

Демьян несет меня на руках. Я — в белом платье, которое мне сшила мама, а он — в костюме из недорогого проката.

— Я люблю тебя, — говорю я молодому Демьяну из прошлого, а после взъерошиваю его волосы.

Он мстит мне поцелуем под восторженные возгласы наших друзей и родителей. Слышу детские голоса:

— Тили-тили тесто, Жених и невеста!

Какие мы молодые.

Какие мы счастливые.

Какие мы влюбленные.

Видение исчезает, и я в ужасе смотрю в лицо Демьяна и не узнаю его. Я вижу разъяренного мужика, который шумно выдыхает через нос.

Его ноздри вздрагивают.

Глаза — огоньки.

— Тебе надо успокоится, — цедит он мне в лицо.

После он усаживает меня на диван. Я хочу встать, но Демьян давит мне на плечи и сжимает их до боли.

— Уходи...

Агрессия так же резко оставляет меня, как и накинута. Демьян это понимает и медленно отступает к креслу.

Подхватывает с пола кочергу, на которую я кидаю отчаянный взгляд.

Кто придумывает все эти истории о том, что жена бьет мужа скалкой и сковородой? Что за глупые фантазии?

Демьян усаживается в кресло и кладет кочергу на колени. Вздыхает и медленно моргает:

— Соглашусь. Было глупо верить, что этот вечер будет

тихим и спокойным.

Переводит взгляд на осколки фарфора на дубовом паркете:

— А это статуэтке было почти двести лет.

— А нашему браку почти двадцать пять, — тихо отзываюсь, и меня пробирает ознобом, будто в комнату влетел зимний сквозняк.

Мне холодно. Так холодно, что изнутри поднимается сильная дрожь.

— Да, двадцать пять лет, — откидывается назад, придерживая кочергу на коленях. — Время так быстро летит.

— Если не ты уйдешь, то я уйду.

— Куда? — вскидывает насмешливо бровь. — По классике, к маме?

— Это развод, — меня трясет еще сильнее. — Начхать, с кем ты снюхался, это не мое дело... какой же ты мерзавец... как ты мог... я тебе лучшие годы отдала... молодость...

Да разве мужчина поймет женщину в ее тоске о прожитых годах, которые теперь ничего не стоят?

Дрожь нарастает, а затем резко уходит в волну слабости и жара.

— Ты сама от своих истерик не устала? — цыкает Демьян.

Под очередной волной жара я валюсь на подушки и прикрываю глаза. Меня сверху будто придавливает бетонной плитой.

— Дина? — слышу голос Демьяна сквозь гул в ушах. —

Ты переигрываешь, милая. Это уже начинает раздражать.

Глава 4. Такое бывает

Ох, если бы я прикидывалась в том, что мне резко стало не до слез и истерик. Когда сдает тело, то уже не до криков и обид.

Мне даже дышать тяжело, и при каждом вдохе из меня выходит холодный пот.

— Тогда я вызываю скорую, — заявляет Демьян.

И вызовет он скорую не из-за беспокойства, а из-за желания убедиться, что я симулирую.

— Не надо, — прикрываю лицо ладонью. — Это бессмысленно.

Меня резко отпускает.

Сердцебиение затихает, пульс замедляется и жар отступает. Делаю глубокий вдох и выдох перед тем, как сесть.

— Дина, это было глупо.

Да, для моего мужа все выглядит так, будто я симулировала свой полуобморок в желании пробудить в нем совесть и вину.

Он, похоже, и мои слезы воспринял как блажь истерички, но я не лгу в своей трагедии и физической немощности.

— Ты меня не любишь, — заявляю я.

Молчит около минуты, чем подтверждает мои слова, и говорит:

— Я лишь не покупаюсь на твои выходки?

— Вот как, — говорю я. — Выходки?

Да, человеку всегда сложно признаться в том, что он разлюбил. Наверное, это сложнее, чем сказать о любви, ведь любовь наполняет нас надеждой, радостью и сладким томлением, а нелюбовь — это смерть.

Сказать женщине, с которой родил и вырастил детей, с которой прожил почти двадцать пять лет, что разлюбил значит принять в себе мертвую часть души.

— Дем, — сглатываю я, — прекрати. Ты не любишь. Ты разлюбил.

Сердце от каждого моего слова скукоживается в черную изюминку отчаяния, но от правды никто еще не умер.

Она делает больно, она режет по живому, но не убивает. Это и страшно.

Мне с правдой, что Демьян разлюбил еще жить.

— Я не оставляю тебя, — говорит он, глядя на меня черными глазами. — Об этом и речи не идет.

Он мне, что, одолжение делает?

Серьезно?

У меня с губ срывает горький смешок, а после медленно и недоуменно моргаю:

— Дем, ты сейчас серьезно?

— Seriously, — кивает он. — Я женился на тебя не для того, чтобы потом разводиться.

Я шмыгаю.

И слышу в ушах тихий и назойливый звон.

Демьян не шутит. Признался в том, что у него есть любовница, раскрыл все карты и теперь заявляет, что не оставит меня?

— Дина, давай рассуждать, как взрослые люди, — Демьян вздыхает и убирает с колен кочергу. Встает и подходит к камину. — Наш развод будет лишней возней, которую никто не поймет. Ты любишь драматизировать...

— У тебя любовница, — медленно проговариваю я по слогам, — и ты думаешь, что я... — я аж задыхаюсь, не в силах спокойно продолжить, — что я... это проглочу?

— Это было бы целесообразно, — Демьян возвращает кочергу в стойку и смотрит на фотографию, что стоит на каминной полке.

А на ней все наше дружное семейство. Улыбчивые и счастливые.

— Да и это будет нечестно по отношению к тебе, — оглядывается, — возможно, нам стоит сходить к семейному психологу... но я им не верю. Шарлатаны, но если ты хочешь, то я готов пойти с тобой. Вдруг скандалов будет меньше? Дина, я реально от них устал.

Короткий растерянный смешок, а после истеричный смех, который я никак не могу остановить.

— Будет несправедливо ко мне?! — я встаю. — Так ты у нас еще герой, что не оставишь меня? А ты мне нужен? Ты мне теперь нужен?! О! — смеюсь на грани рыданий. — Я тебя отпускаю, любимый! Отпускаю! Лети на все четыре

стороны! Я не буду с тобой! Нет! Я не потерплю такое! Ты совсем охамел!

Шагаю прочь из гостиной:

— Какой ты у меня благородный!

— Дина!

Его голос опять полон гнева.

— А тебе удобно, да? — резко разворачиваю к Демьяну, который тормозит в шаге от меня. — Тут у тебя тихая гавань с женой-ждулей, а там... а там кто? А? Ты может ответишь на этот вопрос? Что ты скрываешь? Или ты стыдишься своего выбора? Мне ты можешь сказать, дорогой! Мы столько лет вместе, и я же столько о тебе знаю!

Я не проглочу.

Не стерплю, пусть мне сейчас и страшно до дрожи в коленях.

— Да о тебе столько мать родная не знает, сколько я!

— Да и ты, знаешь ли, не загадка, — рычит в ответ мой муж-герой, который решил облагодетельствовать меня. Подается в мою сторону на выдохе. — Возможно, тебе правда надо к маме на пару дней, чтобы остыть? Ты сейчас на нормальный диалог не способна.

Я замахиваюсь, чтобы вклепить Демьяну пощечину, но он перехватывает мою руку за запястье.

— Не смей, — клоочет он. — И ты сейчас идешь спать или я отправляю тебя с водителем к маме. Порыдай у нее.

— Что скажут наши дети?

Это мое последнее оружие против Демьяна. Он же должен понимать, что его измена и их коснется.

И вряд ли они ее одобряют.

Это и для них будет удар.

— У них своя жизнь, — над левой бровью у Демьяна проступает пульсирующая венка. — Хорошая, сытая и благополучная жизнь, которую обеспечил я. И наши проблемы, Дина, касаются только нас двоих.

— И все это время я была с тобой, — шиплю в его лицо. — Была рядом, была твоим тылом. Это я тебе поддерживала, я в тебя верила, и вот как ты решил меня отблагодарить?

Вырываю руку из его захвата и отступаю:

— Но теперь я рядом с тобой не останусь, — сжимаю кулаки, — Разлюбил? Хорошо! — голос предательски вздрагивает слезами. — Я принимаю это! — вскрикиваю. — Принимаю, черт тебя дери! Такое бывает! Это обычная история!

Глава 5. Там будет ясно

— Я тут не останусь! Раз ты не уходишь, то уйду я!

В срываю с перекладки плечики с платьями и после кидаю их на пуфик. Я будто в лихорадке, и мне остановится и отдышаться, но я не могу.

Я хочу бежать, пусть и понимаю, что этот побег ничего не решит.

— К психологу предлагаешь?! — рывкаю на Демьяна который стоит в проеме гардеробной комнаты, привалившись к косяку двери. — Для чего?!

— Чтобы все обсудить под контролем специалиста, — смотрит на меня исподлобья.

— Пошел ты!

К платьям летит пара футболок, а затем я пытаюсь достать чемодан с верхней полки стеллажа в глубине гардеробной.

Я не дотягиваюсь.

— Черт!

Щеки разъедают щеки.

Этот мир несправедлив.

Я не могу даже дотянуться до чемодана.

— Да что ты стоишь?! — ору на Демьяна, который медленно скидывает брови. — Хоть с чемоданом помощи!

А после просто кричу, широко раскрыв рот.

Больно!

И мне было больно еще до признания Демьяна. Я теряю молодость и здоровье, я не контролирую тело, которое живет своей жизнью, не имею власти над эмоциями.

Мне больно и страшно, а у Демьяна — любовница.

Он должен быть сейчас мне поддержкой и опорой, а он — предатель. Я проживу свою боль одна.

— Я тут не останусь! Либо ты, либо я! Ты мне больше не муж! К черту тебя! Слышишь?! К черту!

— Может, тебе действительно стоит у мамы чуток отдохнуть.

Глаза у Демьяна черные от злости и раздражения. Он шагает ко мне, а после тянется к чемодану. Цепляет его за ручку, а меня накрывает новая волна ярости, от которой закипает кровь и мозги.

Почти двадцать пять лет!

Почему сейчас, когда я подхожу к страшной метаморфозе, которая будет означать для меня отчасти женскую смерть.

Я толкаю Демьяна.

Он не может удержать чемодан, и эта огромная коробка из алюминия, укрепленная изнутри, падает на меня.

Все так медленно.

— Дина! — Демьян с рыком пытается отпихнуть меня в сторону, но чемодан задевает меня углом.

Я не чувствую боли. Я продолжаю орать Демьяну какой он урод и козел. Я заваливаюсь назад и кричу проклятия и оскорбления.

Демьян бледнеет.

Я быюсь затылком о выдвинутый ящик, а после мешком падаю на белый кафель.

— Дина! — сквозь гул слышу голос Демьяна.

Я пытаюсь приподняться на руках.

Кровь.

На белом кафеле расцветают кровавые кляксы, а после мои глаза застилает кровавая пелена, но боли я еще не чувствую.

— Ненавижу тебя... Я тут не останусь...

Я проваливаюсь в темноту, из которой выныриваю с неразборчивым мычанием. Я уже в машине.

Провожу ладонью по гладкой коже сидения. Яркие фонари в ночи ослепляют быстрыми вспышками, а на стеклах горят искорки дождя.

— Да я откуда знал, что ее трогать нельзя?! — рычит в трубку Демьян. — Да и пока скорую дождешься!

На голове полотенце.

Я слышу, как сигналият другие машины Демьяну, который летит на красный свет.

— Да тебе же выгодно, чтобы я сдохла...

Демьян кидает темный взгляд в зеркало заднего вида, и опять все размывается. Накатывает тошнота.

— Сдохну и женись опять... Будь счастлив... — меня обратно утягивает в липкую темноту, — я отпускаю...

Я всхлипываю в темноте.

Мне жалко себя. Демьян ведь даже плакать не будет на моих похоронах. Постоит, сыграет для родственников мрачную рожу, а потом поедет к своей новой любви.

— Череп целый, — слышу женский голос. — Только мягкие ткани пострадали.

Яркий свет меня слепит.

— Зрачок реагирует.

— Отстаньте...

— Мне эта сыпь не нравится, — говорит женский голос. — У подмышки видишь? Давай кровь возьмем... А ну, не дерись...

— Я хочу к маме! — я чувствую, как по щеками катятся горячие слезы.

— Да ты ж моя хорошая, — смеется голос. — Я тоже не отказалась бы сейчас к маме поехать...

Размытые пятна принимают очертания двух женских лиц. Я плачу и бую в попытках вырвать руку, которую перетягивают жгутом:

— Отпустите меня домой... Все нормально... Я целый день такая... Меня то в жар, то в холод, то тошнит... А эта сыпь... У меня ранний климакс... — начинаю выть в отчаянии. — Я старая... старая...

— Давай успокоительным угостим?

— Но разве... а вдруг сотрясение?

— Нет, вряд ли. Тетю просто кроет.

— Кроет, — соглашаюсь я. — Кроет... Я еще вонять на-

чала... Пот такой вонючий... Я никогда так не воняла...

— Иди мужа предупреди, что жена не умирает, — вздыхает одна из женщин с белыми короткими волосами, — парашов на затылке будет и синяк на половину лица, а так... да не реви ты так, господи.

— Я старуха... — не могу никак успокоиться. Всю трясет от всхлипов.

— Чую будешь еще пузатой старухой, — отвечает вторая женщина с дулькой на макушке. — У меня такая сыпь у подмышек тоже была. Я четвертым была беременна. Вот прям один в один было.

— Кстати, может быть, — соглашается первая женщина, — я беременная тоже воняла. Какой-то псиной. Ужас. Муж ржал, а я в душ ползала каждые три часа.

— Кажется, обойдемся без успокоительного, — брюнетка хмыкает. — Затихла.

— У... — сдавленно шепчу я, — у... — голос вздрагивает, — у меня... ранняя менопауза... Я была две недели у гинеколога... я... нет... менопауза... климакс...

— Давай мы кровушку возьмем, золотко, — воркуют женщины с двух сторон от меня, как две коварные ведьмы, — и там будет ясно.

Глава 6. Освобожу тебе ночи

Что хуже в моем положении?

Менопауза с потливостью или беременность от мужа-предателя в почти сорок пять лет?

Вот я только днем страдала, что я теряю молодость с фертильностью, а теперь в ужасе от перспективы быть “пузатой старухой”.

— Срок маленький, наверное. Вот и не увидела твой гинеколог ничего.

— Да, господи, сколько таких историй. Думали, что климакс, а это беременность.

Издаю короткий смешок, и тихо так на тональности писка мыши спрашиваю:

— Когда анализы будут готовы?

— Завтра, дорогуша. Ну-ка, давай опять на меня посмотри... Сколько пальцев? Назови имя, дату...

Я отвечаю на вопросы и покачиваюсь из стороны в сторону.

— Да что ты так раскисла? Только вот пять минут назад была, что дети выросли и что ты потеряла саму себя.

За тихой паникой, что я могу быть реально беременной, я не замечаю, как мне на затылке сшивают лопнувшую кожу.

— Даже не пикнула. Ты же наша умничка.

Всхлипываю, шмыгаю, а потом опять затихаю. В палату

заглядывает Демьян, хмурится и его с криками выгоняют:

— Иди отсюда! Тебе нельзя! Жди! Сказали же, что жить будет!

Молча исчезает за дверью, и ко мне с шепотом обращается черноволосая медсестра:

— Слушай... Вопрос задам некрасивый, но... Это муж тебя так? — поправляет дульку на голове. — Может, нам полицию вызвать?

— Да не похож он на таких уродов, — отвечает дежурная врач с короткими белыми волосами.

— Все они не похожи, ага...

— Нет, не он, — качаю головой под пристальными и внимательными взглядами.

Врачи и медсестра меня опять осматривают в поисках синяков, кровоподтеков или других следов, которые бы подтвердили их догадки о домашнем насилии.

— То есть нам поверить в истории с чемоданом?

Пожимаю плечами.

Хотите верьте, а хотите — нет. Меня сейчас не чемодан волнует и не затылок, который стянули два шва, а мое невестное будущее.

Что хуже: быть беременной разведенкой или разведенкой с климаксом?

Если трезво посмотреть, то во втором варианте больше простора для маневров и возможностей.

Я на опыте знаю, что дети — это не просто даже в ком-

плекте с любящим и заботливым мужем.

— Вы же моему мужу не сказали... о подозрениях...

— Нет, ты потом сама обрадуешь мужа. Вот он обалдеет,

— дежурный врач смеется, заполняя бумаги, — мужики в его возрасте очень смешно реагируют на новость о бебиках.

Я невесело хмыкаю.

Надеюсь, что врач и медсестра ошибаются, и выдают желаемое за действительное.

Лучше пусть будет климакс, развод и свобода в сорок четыре года.

За этими невеселыми мыслями я не замечаю, как меня выводят в коридор, где своей очереди ждут парень с вывернутой стопой и пьяный спящий мужик с ножом в бедре. Храпит, запрокинув голову.

— Жди мужа тут.

— А помогите мне встать, — просит парень с вывернутой стопой, — дойти дошел, а вот встать не могу...

— Давай мы сначала храпуном займемся, дружочек. И него нож торчит.

— Да е-мае!

Наблюдаю, как дежурный врач и медсестра пытаются разбудить мужика с ножом в бедре, а затем тихонько встаю и плетусь дальше по коридору.

Нет, я так не согласна.

Я так не хочу.

Я уже настроилась на гормональную терапию.

Бездумно сворачиваю налево. Останавливаюсь. В десяти шагах спиной ко мне стоит Демьян и держит у уха телефон.

— Нет, я не приеду. Я с женой, и мы это уже обсуждали...
— напряженная пауза. — Послушай, у меня был очень тяжелый день... Хватит... — медленный выдох, в котором я чувую гнев и ярость. — Ты прекрасно знала, что я женат, и сейчас я с женой.

Видимо, он почувствовал мой взгляд на своей широкой спине. Оборачивается, придерживая телефон у уха и хмурится.

Опять волна жара и слабости.

Лишь бы это был климакс.

Я не хочу, чтобы меня связывал с Демьяном маленький ребенок. Мой муж не из тех мужчин, которые при разводе забывают детей. Не-а.

И недавно он обмолвился, что нам стоило лет пять-семь назад завести третьего ребенка. И очень тяжело вздохнул.

— Мне пора, — он сбрасывает звонок и прячет телефон в карман брюк. Делает ко мне шаг, — отпустили?

— Ой, вот вы где, — к нам выходит медсестра. — Несколько дней пусть отлежится, на всякий случай.

— Понял, — Демьян медленно кивает. — Что еще?

— Мы взяли на всякий случай анализы...

— Я сама за ними приду, — перебиваю медсестру.

— Что за анализы? — уточняет Демьян, и у меня под ногами будто трескается лед. — Она ударилась головой. По ана-

лизам можно увидеть сотрясение мозга?

— Эммм... Ну, общий анализ крови, — медсестра идет на ложь. — Жаловалась на слабость, головокружение...

— Конечно, она ударилась головой! — повторяет Демьян. — Зачем ей анализ крови?!

— Протокол такой! — обиженно рывкает медсестра, разворачивается и шагает прочь. — Вот заладил! Зачем? Зачем? Надо! — зло оглядывается. — Вот мужики, а.

— Вы назначили МРТ?

— Ушиб мягких тканей! — медсестра тоже отвечает на повышенных тонах. — Череп целый! Это не сотрясение! Свободны! Швы снимать не надо. Они сами рассосутся.

Демьян переводит на меня взгляд. Хмурится еще сильнее.

— Ты все же отвези меня к маме, — тихо говорю я. — Если мне надо отлежаться, то лучше я сделаю это у мамы, Дем. Там я буду под присмотром, а ты... ты ведь с утра до позднего вечера весь в делах. Наверное, завтра опять какая-нибудь важная встреча или совещание... — усмехаюсь. — И как раз освобожу тебе ночи, чтобы ты их не тратил на жену.

Глава 7. Сказать?

— Меня к маме, а сам давай к любовнице...

Сажу на заднем сидении, и меня опять всю трясет мелкой холодной и липкой дрожью. Господи, если меня так штырит на раннем сроке, который не был замечен моим гинекологом, что ждет меня дальше?

А еще у меня начинают ныть суставы.

А они какого черта решили дать о себе знать? Может, это все-таки стресс?

— Головокружение и слабость? — Демьян игнорирует мои слова о любовнице.

За стеклом в каплях дождя мелькают желтые огни фонарей.

Нарастает паника. Что мне ответить?

— Ну, я же головой ударилась... Слабость и головокружение — это нормально...

— Ты и до этого...

— Но ты сказал, что я придуриваюсь, — сглатываю, — да, я придуривалась.

Я чувствую на себе взгляд, который летит меня острой и темной тенью из зеркала заднего вида.

Конечно, он мне не верит.

— В моем возрасте это нормально, Дем, — тихо и зло отвечаю я. — Ясно? Нормально.

Закрываю глаза и молюсь о том, чтобы беременности не было. Я не готова к такой шутке от Вселенной, в которой она сначала бьет по голове новостью о климаксе, потом добавляет измены мужа и добивает беременностью.

Слишком легко жила, Дина.

— У меня климакс, Дем, — говорю я. — Вот и все.

Мужики в этой теме совсем не разбираются, а многие даже не в курсе о женской менопаузе и сопутствующих проблемах.

Вот и мой муж молчит.

— Боже, — накрываю лицо ладонью. — Менопауза, Демьян. Гормональная перестройка, потеря фертильности... Отсюда слабость и головокружение. И многое другое, Дем.

Молчит и щурится на дорогу.

Может, моя честность его окончательно отвратит от меня? Мужчины боятся женщин, которые теряют молодость изнутри своего тела.

— И что тебе должны сказать анализы? — наконец, спрашивает Демьян.

— Да тебе какое дело?! — вспыхиваю яростью. — Это уже тебя не касается! Такие вопросы задавай своей любовнице, Дем, а я не обязана перед тобой отчитываться! Я тебя не интересовала все это время...

Не интересовала, ага, а ребенка заделал. Сжимаю переносицу и поскрипываю зубами, пытаюсь посчитать хотя бы примерный срок.

Эту неделю у нас не было близости. Я его не подпускала к себе, потому что мне было мерзко от того, какая потная и унылая.

На прошлой неделе... На прошлой неделе я с ним скандалила почти каждый день. Он приходил поздно и запирался в кабинете до глубокой ночи, дожидаясь когда я после слез в подушку засну.

Да, около трех недель назад “мы поели кексика”. Утром, после душа он поймал меня с утренним “приподнятым настроением” и заявил:

— Пора требовать супружеский долг.

Он был невероятно убедительным, и я сдалась под его напором, потому что мужчине очень важна близость.

Но мы предохранялись.

Он надел резинку. Я это точно помню.

— Да твою ж...

Неужели я попала в те самые счастливые 2 процента, которые после резинки рожают? Сжимаю переносицу до боли.

— Что, Дина?

— Ничего! — рывкаю я и пинаю в бессилии переднее сидение. — Ничего!

— Так ты истеришь все эти дни, потому что у тебя гормоны скачут? Так, что ли?

Меня посещает гениальная мысль взять и выпрыгнуть из машины на полной скорости. Да, кроме истерик при гормональных скачках, у меня и фантазия подкидывает дикие же-

лания, в которых нет ни логики, ни рациональности.

— Это не твое дело! Про истерики спрашивай свою любовницу!

Он отвечает мне низким и разъяренным рыком, а после сдавленно цедит сквозь зубы:

— Если это гормоны, то таблеточки тебе не посоветовали?

Я хочу ответить ему криком, чтобы он заткнулся, но когда я открываю рот, то улавливаю в воздухе какой-то мерзковатый сладкий запах, будто где-то в машине Демьяна гниет мышь, которая перед смертью нажралась меда.

Мне хватает одного короткого вдоха, чтобы из глубин моего нутра поднялся не крик, а болезненный спазм.

— Останови машину... Останови...

— Что?

— Останови...

То ли в моем голосе было много страха и боли, то ли Демьян решил со мной не спорить, но, так или иначе, он сворачивает на обочину дороги и резко тормозит.

Я едва успеваю распахнуть дверь

Меня выворачивает влажную траву.

При головокружениях тоже тошнит.

Да и при климаксе тошнота — обычный спутник.

— Я тебя умоляю... — сипло упрасиваю я непонятно кого, — только не это... Ладно? Я не хочу... Это же какая-то жопа будет... Даже не жопа, а жопища...

А после я выползаю из машины под мелкий дождик. Вы-

тираю губы и, пошатываясь, бреду прочь от машины, обняв себя за плечи.

Я всхлипываю.

— Дина, какого черта?! Вернись в машину! Да вашу ж Машу! Дина!

У Демьяна любовница, а он не видит в этом проблемы. В нем нет ни стыда, ни вины, ни сожаления, будто он заслужил право на вторую женщину.

Мне почти сорок пять и я могу быть беременна, а состояние у меня как у чокнутой старухи в смертельной лихорадке.

— Дина! — гаркает за моей спиной Демьян.

Он хочет схватить меня за руку, но я уворачиваюсь, резко развернувшись к нему.

Однажды под таким мелким ночным дождем мы гуляли под тусклыми фонарями, и я сунула ему в карман записку, что он станет папой.

Тогда он буквально орал в звездное небо от счастья, а сейчас как отреагирует, если я ему скажу, что могу быть беременной?

Тогда он меня любил, и я была его девочкой, а сейчас я для него, по сути, истеричная соседка, к которой он вынужден возвращаться вечерами.

— Дем, я... я... — всхлипываю и крепко зажимаюсь, — я...

Глава 8. Тебя штормит

— Дина, вернись в машину, — Демьян хмурится. — Куда ты побежала? Это как-то тебе поможет с твоим климаксом?

Меня трясет под порывом холодного ветра и мелким острым дождем.

Почему это происходит именно со мной? В чем я провинилась, что мой муж разлюбил меня.

— Отвези меня к маме...

— И ты вернешься в машину? — вкрадчиво спрашивает Демьян, но я все же слышу в его голосе звенящую сталь раздражения.

— Да.

— Я отвезу тебя к маме. Возможно, ты права тебе сейчас надо прийти в себя и прочистить мозги.

Разворачивается и шагает к машине. Я выдыхаю облачко пара, а затем на мои плечи будто кладут мешки по сто килограмм.

Я делаю шаг, но мне тяжело и колени подкашиваются.

Я оседаю на землю.

— Черт, — Демьян оглядывается и идет торопливо возвращается ко мне. — Дина...

Он подхватывает меня на руки, как в тот день, когда он решил перенести меня хохочущую через лужу, но теперь я не чувствую в его руках любви, в груди — нежности.

— Надо вернуться в больницу.

— Нет, сейчас меня отпустить...

Демьян настороженно смотрит мне в лицо, и я тихо спрашиваю:

— Ты меня разлюбил?

Он мне не отвечает. Молча помогает расположиться на заднем сидении машины и захлопывает дверцу.

Выходит у него это все нервно, пусть он и пытается себя сдерживать.

Отходит от машины на пару шагов и смотрит вдаль несколько минут, спрятав руки в карманы.

Слабость и тяжесть отступают, но возвращаются слезы и горькая обида.

Это конец.

Демьян приглаживает волосы, обходит машину и садится с тяжелым вздохом за руль. Ослабляет галстук и заявляет:

— Мы с тобой поговорим, когда ты... не знаю... будешь в состоянии говорить.

Колеса шуршат о гравий.

— Если ты разлюбил, то имей смелость это признать.

Я должна заткнуться, ведь только это решение было бы правильным в моем положении. Чего я хочу добиться своими глупыми и обиженными вопросами о любви Демьяна?

Что его ответ исправит или как мне поможет?

Или я хочу добить себя? Уничтожить окончательно и совсем потерять надежду?

— У тебя и со слухом проблемы, Дина?

Демьян поскрипывает зубами, и я понимаю, что ему очень хочется сейчас наорать на меня, чтобы я, наконец, успокоилась и затихла.

— Я же тебе сказал, поговорим позже. Все-таки, я думаю, что у тебя сотрясение, раз до тебя так тяжело доходят мои слова.

— Признайся, что моя смерть все бы упростила, да?

Он сжимает руль до побелевших костяшек и медленно выдыхает:

— Нет, дорогая, я бы не хотел твоей смерти, пусть мастерски выводишь меня из себя, но теперь-то я знаю, что это гормоны в тебе бушуют. И да, теперь я настаиваю, чтобы ты прошла всех специалистов, которые занимаются климаксом... Может, есть какие-нибудь климаксологи?

Я замолкаю в недоумении. Он сейчас серьезно про климаксолога?

— Дем, нет такого специалиста, как климаксолог...

— Да мне насрать! — он все же рывкает. — Но тебе нужна помощь!

Переходит на рык и напряженно замолкает, зло прищурившись на дорогу.

Климаксолог.

Короткий смешок, а потом меня пробивает на тихий и истеричный смех, который нарастает по тональности и переходит в гогот с ручьями слез.

Какие же эти мужики тупые.

Тупые, бессовестный и наглые!

И Демьян не один такой в своем роде. Сколько историй от женщин об изменах, о мужской жестокости, об их безнаказанности?

И почему-то в большинстве случаев именно мужчины устают от брака, от жен, детей и теряют любовь к своим половинкам после сорока лет. И они считают, что в праве быть с женами скотами и уродами, ведь они — мужчины.

Короли этого мира.

Их куча таких, как Демьян.

Всхлипываю в ладони.

— Успокоилась?

Да, надо успокоиться, а иначе я сойду с ума и попаду в палату с мягкими стенами, но я ведь не хочу доставить такого удовольствия его любовнице.

Чокнутая жена, которую закрыли в психушке, для любовниц — сладкая победа.

— Да, успокоилась.

Убираю руки от лица. Ушибленный висок, который встретился с чемоданом, начинает ныть и пульсировать.

— Да, тебя реально штормит, — подытоживает Демьян.
— Это же ненормально, Дина. Ты когда Макаром и Марьяшей ходила беременная, то тебя не так крыло... Тогда тоже гормоны прыгали.

Прикусываю кончик языка до острой боли.

Лед под ногами хрустит громче.

— Это другое, — сдавленно отвечаю я.

— Знаешь, Дина, ты же не одна на свете женщина после сорока, но у других же как-то все это иначе проходит?

— Это не твоя забота.

— А чья? — повышает он голос. — Чья, Дина? Все же стоило мне раньше обратить на твои истерики внимание... Я узнаю контакты тех, кто тебе поможет, если ты сама не можешь и не хочешь. Ты всегда была такой.

— Будешь искать мне климаксолога? — хмыкаю я. — Ну, удачи, милый.

Опять смеюсь. Я прям живо и во всех красках представляю, как мой муж требует у помощницы найти хорошего климаксолога для жены.

Это могла быть сцена из какой-нибудь глупой комедии, но это моя жизнь, и смеюсь я через боль.

Он резко проворачивает руль вправо, и я заваливаюсь в сторону:

— У тебя еще будут вопросы почему у меня другая женщина? И почему я не хочу возвращаться домой?

Глава 9. Демьян знает?

— Господи... — мама с шепотом отходит в сторону.

Она бледнеет, и у меня в голове проскальзывает мысль, что я зря посреди ночи заявила к ней с синяком на щеке и забинтованной головой.

— Что случилось?

Я совсем дура. Ей же уже под семьдесят, и сердце может не выдержать такого жуткого зрелища.

Запахивает халат с цветочным принтом и испуганно моргает

— На Дину напал чемодан, а потом она грохнулась. Крошки было море, — Демьян заводит меня в прихожую. — Рассекла затылок.

Ответ Демьяна звучит подозрительно, и мама в ужасе прижимает ладонь ко рту. Она может подумать, что ее замечательный зять меня избил.

— Это правда, — тихо говорю я, а затем сквозь зубы обращаясь к Демьяну сквозь зубы, — можешь идти.

Но он игнорирует мои слова, поэтому я его отталкиваю от себя:

— Иди уже.

И он уходит. Молча прикрывает за собой дверь с тихим щелчком, а я приваливаюсь к стене, накрыв лицо холодными ладонями.

— Дина, что...

Я перебиваю ее всхлипами. Меня опять начинает трясти и вновь тянет вниз:

— Господи, Дина!

Мама не дает мне осесть на грязный коврик и уводит в гостиную, в которой тихо бурчит телевизор.

— Милая, что случилось?

А я не в состоянии объяснить маме, что между мной и Демьяном сегодня произошло. Меня кроет, и я никак не могу взять истерику под контроль.

— Я тебе сейчас воды принесу, — усаживает на диван и накидывает плед на плечи, а после выключает телевизор, без бурчания которого в гостиной становится будто холоднее. — Не зря меня сегодня бессонница замучила. Как чувствовала...

Я вою в мягкий уголок пледа.

— Ты вернулся? — доносится из прихожей шепот мамы.

— Демьян, я не понимаю...

— Я завтра заеду, — голос моего мужа ледяной и пустой,

— когда она немного успокоится. Как и мне.

— Что у вас произошло, Демьян?

— Пусть пока с вами побудет, — Демьян игнорирует вопрос мамы. — Ей надо отлежаться. Сказали, что сотрясения нет. Только ушиб и рассечение мягких тканей. Жить будет. Мне пообещали.

— Демьян, только не говори, что вы расходитесь...

— Доброй ночи, — отвечает Демьян, вновь игнорируя слова моей мамы.

— Демьян!

— Это разговор между моей женой и мной.

Затем следует недоуменная тишина и тяжелый обеспокоенный вздох мамы. Я кутаюсь в плед и покачиваюсь из стороны в сторону.

Он не хотел возвращаться домой.

Как давно он потерял это стремление быть каждую свободную минуту со мной?

Тихие шаги, и ко мне возвращается мама. Садится рядом и протягивает стакан:

— Дина, выпей водички.

Я трясусь рукой принимая стакан с холодной водой. Подношу стакан к губам и судорожно выдыхаю:

— У него любовница... — глаза застилает пелена ядовитых слез, — он мне изменяет...

Стакан выскальзывает из моих дрожащих пальцев. Холодная вода окатывает мои колени и впитывается в ворсистый плед.

А сам стакан с глухим стуком падает на толстый ковер. Не разбивается.

— У него другая женщина. Он сегодня признался.

Куда спрятать от такой чудовищной правды?

Мама молчит около минуты, а затем неловко обнимает меня. Я вою в ее сухую морщинистую шею:

— Мама, как же так?

Она молчит. Гладит меня по плечам, но мне мало его ласки. Я хочу словесной поддержки. Я хочу услышать от нее, что Демьян сволочь и мерзавец и что это точно развод с девичьей фамилией.

Ведь такое терпеть нельзя.

Но мама лишь вздыхает и продолжает гладить меня по спине, будто ждет, когда моя истерика успокоится под ее медленными и теплыми движениями рук.

Я отстраняюсь и всматриваюсь в ее глаза. Шмыгаю, а после стираю слезы тыльной стороной ладони.

— Мам, скажи хоть что-нибудь...

— Сейчас тебе надо отдохнуть, Дина, — прижимает к моей щеке ладонь, — поспать...

— И это все, что ты можешь сказать? — растерянno шепчу я. — Он мне изменяет...

— Я слышала, Дина, — она кивает, — да, тебе сейчас больно, но истерики тебе не помогут.

— Ты опять за него? — отмахиваюсь от маминой руки. — Да?

— Я за то, чтобы ты легла спать, Дина, — мама немного хмурится и встает, — я тебе накапаю валерьянки.

— Он мне изменяет, а ты мне валерьянку предлагаешь?! — я срываюсь на крик, а после меня затыкает сильный спазм тошноты.

Я прижимаю ладонь к губам и делаю медленный и сосре-

доточенный вдох. Сглатываю и закрываю глаза.

— Да, мама, ты права, — соглашаюсь я. — Мне надо отдохнуть.

Неуклюже встаю и скидываю на пол мокрый плед:

— Мне надо переодеться, — шагаю к двери. — Ты мне одолжишь какую-нибудь сорочку? И есть запасная зубная щетка?

Оглядываюсь. Мама сидит и смотрит на меня, сложив руки на коленях в лодочку.

— Ты беременна, Дина? — тихо спрашивает она.

Меня от ее вопроса парализует. Как так-то? Как она это поняла?

— Что? — стараюсь говорить с возмущением и удивлением. — Что за глупости, мам? Это возраст. Я уже не девочка, да, и меня накрывает менопауза.

Мама прищуривается. Черт.

— Демьян знает? — еще один острый вопрос.

— Ма, что ты несешь?

— Не прикидывайся дурочкой, Дина, — голос ее становится строже. — У тебя тошнота.

— Это климакс, — выдыхаю через нос, раздувая ноздри. — У меня ранний климакс.

— Я хорошо помню две прошлые твои беременности, — мама шурится сильнее, — ты Демьяну сказала?

Глава 10. Как подросток

— Я тебе завтрак принесла.

Ночью мама не стала продолжать разговор о моей якобы беременности и Демьяне. Я заперлась в туалете, поплакала и легла спать.

И то, что мама называет завтраком, уже по-сути обед.

Я с большим трудом открыла глаза в двенадцать дня. Я сажусь:

— Мам, я бы встала и на кухне...

— Тебе же сказали, что надо отлежаться, — мама аккуратно ставит поднос мне на колени. Присаживается на край кровати. — Все-таки синяк вылез.

Я касаюсь ноющего лица и понимаю, что опух не только висок и скула, но и глаз за компанию.

— Соседи увидят тебе и точно скажут, что тебя Демьян избил. И хорошо так избил.

Мой нос улавливает мерзенький кисловатый запах, что идет от подноса. Опускаю взгляд и вижу три сырника на тарелке. Обильно политы сгущенкой.

Меня начинает тошнить.

— Мама, унеси, — хватаю тарелку и протягиваю ее маме. Затем я цепенею под ее взглядом.

Я всегда любила и люблю сырники со сгущенным молоком, но вот при беременностях у меня к этим румяным шай-

бочкам из творога просыпается ненависть. Они пахнут для меня носками, которые вымочили в кефире.

Мама сощуривается.

И никаких тестов на беременность не надо.

— Мам, не начинай.

Мама забирает у меня тарелку с сырниками, не отрывая от меня внимательного взгляда, и я чувствую себя не сорока четырех летней теткой, а маленькой провинившейся девочкой.

— С утра звонил Демьян...

— Мам, только не говори, что ты ему сказала... Ты же понимаешь, что это, во-первых, не твое дело, а, во-вторых, это только твои додумки.

— Не мое дело? — мама хмыкает. — В любом случае, свои додумки я ему не сказала.

Я облегченно выдыхаю, и мне следом становится стыдно за свою грубость. Я с мамой слишком резка, а она пожилая женщина.

— Демьян сказал, что заедет в больницу за анализами.

Сжимаю холодные края подноса до боли в суставах. Это плохо. Это очень плохо. На меня обрушивается холодная паника.

Я отставляю поднос, неуклюже выползаю из-под одеяла и вскакиваю на ноги. Голова немного кружится, и опять накачивается жар с холодом.

Я кидаюсь к стулу, на котором я оставила свою одежду.

Нельзя Демьяну позволить получить мои анализы. Конечно, по-хорошему никто не должен их ему предоставлять, но он же слишком убедительный и... в любом случае в приемном листе он был указан, как мой муж, а это развязывает ему руки.

— Вот черт!

— Дина.

— Что? — оглядываюсь на маму. — Что? Он не должен узнать!

— Это глупо, Дина, — мама медленно моргает. — Это глупо, если ты решила оставить эту беременность. Что за детский сад ты устраиваешь? Ты собралась скрывать, бегать от него? Какой у тебя план, Дина? Сколько тебе лет?

А вот и правда.

Какой у меня план, если беременность подтвердится? Бегать и скрывать? Соглашусь, глупо и наивно, будто мне восемнадцать лет и я залетела от женатого.

— Или ты собралась на аборт? — задает мама жестокий вопрос. — Тогда да, твоя беготня имеет смысл. Демьян же не простит подобного.

Аборт?

Меня начинает трясти.

Мне почти сорок пять, и здоровья у меня не так, чтобы много для вынашивания ребенка, а еще бонусом к животу прилагается Демьян.

Он же вцепиться в этого ребенка, и не из-за любви ко

мне. Для начала, маленький пупсик — это подтверждение его самцовости и мужской силы, затем — он никогда не откажется от своей крови и плоти.

Я не отвяжусь от него.

Так что, да. Аборт бы стал логичным и рациональным решением для меня. На ранних сроках можно выпить таблетку.

Выпить таблетку, подать на развод и после долгих месяцев адвокатских разборок выдохнуть и зажить свободной жизнью.

Купила бы небольшую квартиру, обустроила на балконе мастерскую для рисования и по вечерам бы училась малевать на холстах уродливые портреты.

Я же хотела научиться рисовать.

А еще поглядывала в сторону флористики.

В перерывах от букетов и портретов я бы, конечно, плакала по тому, как развалился мой брак, но я бы окончательно порвала все связи с Демьяном.

Наши дети выросли, и нам не надо решать вопрос с опекой, встречами и важными проблемами. Нас больше ничего не будет связывать кроме воспоминаний.

Я бы в итоге излечилась от него, но с малышом на руках...

У меня не будет никаких возможностей лишить его отцовства, да и от таких отчаянных попыток Демьян рассвирепеет и сам устроит мне такую веселуху, что я взвою.

Аборт — вот цена моей свободы и тихой жизни, в которой будет место портретам и цветам.

Я решительно сглатываю. Мне не в больницу за результатами надо бежать. Я потеряю время. Мне надо к гинекологу. Мне надо спасти себя и свою жизнь.

Двоих детей я родила и вырастила. Свой долг я выполнила, а теперь я хочу просто выжить.

Стягиваю с себя сорочку.

В кармане маминого фартука вибрирует телефон. Она оставляет тарелку с сырниками и отвечает на звонок:

— Да, Демьян?

На чьей она стороне?

— Да, проснулась, — затем протягивает мне смартфон.

— Твой муж звонит.

— Мне не о чем с ним говорить, — надеваю своей грязное платье в пятнах засохшей крови. — И, мам, тебе тоже.

Мама скидывает звонок и поднимает на меня взгляд:

— Тебе бы уже пора поднабраться женской мудрости и хитрости, Дина, а ты все, как подросток.

Глава 11. Жестокий

Ни денег, ни телефона.

Затылок начинает ныть. Касаюсь его пальцами сквозь бинт и шиплю от боли.

Никак не могу собраться с мыслями.

— Мам, ты мне одолжишь немного денег? — оглядываюсь на маму, которая вслед за мной выходит из комнаты.

Он не торопится отвечать.

— Мам, ты серьезно? — охаю я. — Вот так, значит?

— Ты должна все обсудить с Демьяном.

— Ты на чьей стороне?! — повышаю я голос. — Я тебе еще раз повторю. Он мне изменяет! У него любовница! Это конец, мама! У меня нет времени! Как ты не поймешь! — из глаз брызжут слезы. — Ты не понимаешь, что ли? Он же мне жизни не даст, если я... если я...

Я даже не могу сказать о своей возможной беременности вслух. Настолько мне страшно сейчас.

Мне так не было страшно ни при первой беременности, ни при второй. Я волновалась, тревожилась, а сейчас я буквально в ужасе.

Мне становится душно.

Я задыхаюсь, будто из воздуха выкачали весь кислород. Я кидаюсь к входной двери

Мне надо на свежий воздух.

— Да куда ты, Дина?!

Торопливо сую ноги в растоптанные мамины тапочки и дрожащей рукой проворачиваю ключи в замочной скважине несколько раз.

— Да что же ты так дуришь?! Дина!

Она пытается меня схватить за руку, но я ее отталкиваю:

— Мама, не лезь! Я тебя поняла! Ты за Демьяшу, а не за родную дочь!

Я не могу сделать даже одного вдоха.

— Дина!

Распахиваю дверь и выскакиваю на лестничную площадку в тот самый момент, когда из лифта выходит Демьян.

Я цепенею. За секунду будто становлюсь каменной статуей, которая не дышит и не моргает.

Демьян делает еще один шаг и останавливается.

Брюки, рубашечка, пиджачок. Все при нем. Только рожа мрачная и взгляд, как у палача, который отрубит мне голову и слезинки не проронит.

С ним и в браке было сложно, но меня спасала любовь, которая помогала мириться с его тяжелым характером, а теперь...

Да я в петлю полезу, а он станет еще злее, жестче и упрямее.

Медленно поднимает брови.

Пытаюсь понять по его взгляду, что ему сказали мои анализы, которые он обещал забрать?

Но паника и жар мне мешают сосредоточиться.

— Ты куда собралась в таком виде, Дина?

Мне кажется, что от моей макушки до копчика идет тонкая трещина отчаяния от его холодного тона.

Нет, я должна с ним развестись и жить спокойно без его права быть папой нашему третьему ребенку.

Я могу быть свободной. Да, обиженной, разъяренной и оскорбленной, но свободной от лжеца, предателя и мерзавца.

— Здравствуй, Демьян, — Мама выходит из квартиры.

А мама будет на его стороне.

Начнет жрать мне мозги, что у ребенка должна быть полная семья и что все люди ошибаются. И что каждый из нас заслуживает шанса.

Я должна вырваться из ловушки.

Холодно. Руки дрожат.

Он разлюбил меня, и у него другая постоянная женщина. Неслучайная потаскуха по пьяне, а женщина, с которой у него есть свои договоренности.

— А куда наша красавица собралась? — Демьян делает ко мне шаг. — Дина, вернись в квартиру.

Мама берет меня за руку и тянет за собой.

Ребенок позволит Демьяну портить мне жизнь под предлогом, что он отец-молодец и что мне придется с этим смириться.

Ребенок — отличный повод манипулировать мной и даже угрожать мне. Да, я уже сейчас могу сказать, что Демьян не

будет милым и добрым бывшим, если я разведусь с ним.

Ребенок сделает меня уязвимой и слабой. Сначала беременность сожрет меня, а потом мне устроят сладкую жизнь. Я в этом уверена на все сто процентов. Заботы, любви и ласки от Демьяна не стоит ждать.

— Она и вам истерики закатывает?

Я хочу сесть на корточки и разрыдаться.

Он слишком сейчас жесток. Я такого не заслужила.

— Я просто хотела... подышать... воздухом, — у меня начинает кружиться голова, — мне стало душно...

— Посадим у открытого окна, — заявляет Демьян и прет на меня мрачной скалой, вынуждая отступить к маме. — Тебе же сказали. Постельный режим хотя бы несколько дней.

Глава 12. Забрал анализы?

Демьян “заботливо” передвигает кресло к открытому окну гостиной. Распрямляется и указывает рукой на мой “трон оскорбленной и обманутой жены”:

— Вот, — немного прищуривается, — подышишь свежим воздухом. Как раз ветерок.

Вот как так получилось, что мой любимый муж обратился в чудовище, у которого сердце даже не обледенело, а превратилось в черный камень.

Как я могла это допустить?

Кстати, хороший вопрос: есть ли у женщины власть над чувствами мужчины и можно ли предотвратить катастрофу?

Нет. Не зря же говорят, что человек не властен над своими чувствами, и, выходит, что мне бессмысленно обижаться на Демьяна, что он меня разлюбил?

Он же не виноват, что остыл к жене-истеричке.

Но в то же время его нелюбовь почему-то позволила случиться нашей близости, которая аукается мне теперь паникой, страхом и желанием сдохнуть, чтобы сбежать из этой жуткой реальности.

— Идем, — Мама накидывает мне на плечи плед с ласковой улыбкой, будто я — умалишенная, — вот так.

Ведет к креслу, усаживает в него и суетливо поправляет плед на моих плечах. Нервничает.

Наверное, она с такой улыбкой будет меня навещать и в психушке, если Демьян решит упрятать меня за мягкие стены.

— Я сейчас все накрою для чая, — говорит она.

— Мам, ты серьезно? — охаю я шепотом. — Какой чай?

— Я не откажусь от чая, — строго заявляет Демьян, бесцеремонно перебивая меня и намекая, что я мое мнение тут никого не волнует. — И покрепче, Зинаида.

Мама покорно кивает и семенит прочь из гостиной, нервно и немного дергано приглаживая передник с мелкими рюшами по краю.

Демьян останавливается у шкафа-стенки и задумчиво заглядывает за стеклянную дверцу к хрустальным бокалам.

— Как ты себя чувствуешь? — задает он равнодушный вопрос, словно он уставший врач, а я надоедливый пациентка, с которой он вынужден возиться.

Закрывает дверцу шкафа и шагает к дивану.

Я наблюдаю за ним, как раненый кролик за тигром, который может в любой момент меня сожрать, и его даже отрыжка не одолеет.

Я должна собраться с мыслями, но они все разбегаются, как тараканы от тапка. Я не должна показать Демьяну свою слабость и панику, даже если он увидел в анализах мое интересное положение.

— Дышишь свежим воздухом? — Демьян медленно опускается на диван, одернув полы пиджака.

Я должна выдержать его насмешку и высокомерие. Нет в его руках никакой власти, и я ему не позволю загнать меня в угол.

Я буду бороться, но для начала надо схитрить. Сыграть на его мужском эгоизме и притвориться слабой глупой женщиной, которая готова подчиняться вопреки здравому смыслу.

— Да, мне стало легче, — для убедительности делаю глубокий вдох и выдох, — а то тут воздух был спертый.

Мама что-то не торопится возвращаться в гостиную с чаем. Это был хитрый ход, чтобы оставить меня и Демьяна наедине друг с другом.

Она же, в отличие от меня, мудрая женщина.

— Да, вроде ты подуспокоилась, — Демьян немного прищуривается на меня в ожидании истеричной вспышки. — Наверное, стоит тебя оставить у мамы еще на несколько дней.

Он специально меня провоцирует на агрессию? Ведь так?

Я хочу накричать на него, прогнать и потребовать, чтобы он оставил меня в покое, но нельзя. Нельзя. Сейчас я четко осознаю, что мне надо быть очень осторожной с Демьяном.

— Ты мне скажи, какие вещи привезти, — продолжает Демьян, вглядываясь в мое опухшее лицо.

Так. Кажется, вопрос моей беременности откладывается. Либо ее нет, либо Демьян ничего не понял в моих анализах, но я все равно должна уточнить этот вопрос.

— Ты забрал анализы? — стараюсь говорить тихо и спо-

койно, чтобы не разбудить в тигре нехорошие подозрения.

— Да забрал, — Демьян откидывается назад и закидывает ногу на ногу. Покачивает правым носком в воздухе. — Я для начала их покажу нашему семейному доктору. Я вряд ли что-то в них пойму.

Не смотрел. Ему не было даже любопытно.

— Я могу взглянуть? — спрашиваю я, задержав дыхание, а после протягиваю руку в сторону Демьяна. — Я хочу посмотреть.

Глава 13. Мужская ответственность

Демьян нехотя достает из внутреннего кармана сложенные вчетверо анализы. Разворачивает их.

Задерживаю дыхание.

Протягивает их мне, глядя на меня немного свысока, как недовольный отец на дочь-двоечницу.

В окно ныряет теплый ветер, треплет мне волосы. Улавливаю запах жареного лука. Наверное, соседи готовят обед.

К горлу подкатывает ком тошноты. Я люблю остренький аромат лука. Он всегда будил во мне аппетит, а сейчас этот запах забил носоглотку липкой прогорклостью.

— Дина, — вздыхает Демьян, а после встает и подходит ко мне. — Точно, что-то я слишком быстро подзабыл, что ты у нас головой ударилась.

Поднимаю на него взгляд.

— Я не выспался, вот и немного торможу сегодня, — поясняет он и улыбается, — ночка выдалась тяжелой.

Я вырываю у него из пальцев анализы быстро и резко. Я не хочу его касаться даже через бумагу.

— Спасибо, — тихо отвечаю.

— Чайная фея прибывает...

В комнату с подносом wpłyвает суетливая мама, и Демьян

деловито возвращается на диван. И не думает предлагать помощь маме.

— Дина поделилась причиной нашей ссоры? — тихо, но строго спрашивает у мамы Демьян и опять закидывает ногу на ногу.

Его наглость завораживает.

Я не ожидала, что мужчины могут себя вести именно так после того, как вскрываются их измены: с вызовом, агрессией и насмешкой.

Будто это у меня есть любовник.

— Зинаида, — Демьян едва заметно хмурится на мою маму, которая расставляет чашки на столике, — вы слышали мой вопрос? Или у вас усугубились проблемы со слухом?

Мама садится в кресло напротив Демьяна. Я ждала от нее вспышки гнева с возмущением, но, видимо, она сейчас мне преподаст урок той самой женской мудрости, о которой она говорила.

— Да, был у нас разговор с Диной, — мама кивает.

Я сижу в шоке. В таком шоке, что забыла об анализах в своих руках. От матери всегда ждут поддержки и защиты, а тут происходит ситуация, в которой нет материнской любви, заботы или беспокойства за мою израненную душу.

Муж изменяет? Какая ерунда!

— У вас явно кризис, Демьян, — заявляет мама. — Я воздержусь от эмоций. Я всегда придерживалась того мнения, что родители не должны быть третьими в браке их детей.

— Обалдеть, мам, — потрясенно шепчу я. — Вот это да. Мама подхватывает чашку чая с блюдцем и делает глоток чая.

— Я сразу оговорюсь, Зинаида, что я против развода, — Демьян тянется к чашке чая. Поднимает внимательный взгляд на маму. — Я за то, чтобы сохранить брак. Я осознаю свою ответственность перед Диной, как перед женщиной.

— Да ты шутишь, — издаю нервный смешок.

В сорок пять лет, если ты без мужа, то можно ползти на кладбище и искать свободную могилу?

— Да, в ее возрасте быть разведенкой уже... как бы сказала моя соседка, некомильфо, — голос мамы становится строже. — Но, Демьян... эту ситуацию с разводом допустил ты.

— Да, — соглашается Демьян. — Мне стоило быть вчера посдержаннее, но долго копилось.

Я в ярости привстаю, чтобы затем разораться и на маму, и на Демьяна, но я вновь возвращаюсь обратно в кресло.

Это бессмысленно.

Быть мудрой и хитрой и следовать правилам мужа, как бы и было больно, а потом обыграть, чтобы обрести полную свободу.

Развод меня не спасет, если у нас будет третий ребенок.

Опускаю взгляд на анализы. Лейкоциты, эритроциты... перелистываю общие анализы на гормоны. Эстроген, прогестерон, тестостерон, тироксин, общий холестерин...

Убираю этот лист в сторону и прикусываю кончик языка.

В первом столбце: Хорионический гонадотропин человека.

Во втором: 1200

В третьем: пояснения.

25-300 единиц — это первая-вторая неделя беременности.

1500-5000 единиц — это третья-четвертая неделя беременности.

Дальше: по нарастающей.

Удары сердца отзываются в ушах ударами колокола.

— Дина, — зовет меня мама, и я слышу ее голос будто сквозь подушку. — Демьян! У нее, кажется, обморок!

Глава 14. Что ты сделала, чтобы сохранить брак?

Вынырываю из липкого обморока. Лежу на диване, а мама прижимает к моей шее холодную тряпку. Пытаюсь от нее отмахнуться, но сил совсем нет, поэтому я ее только немного шлепаю по руке.

— Дина, успокойся, — убирает тряпку с моего лба.

Я хочу взорваться возмущениями. Она меня опустила перед Демьяном ниже плинтуса, и за что?

Но в следующую секунду я вспоминаю, что анализы подтвердили мои опасения насчет моей беременности, а затем понимаю, что Демьяна нет в гостиной, дверь которой плотно закрыта.

На меня обрушивается новая волна паники.

Я слышу приглушенные голоса, в которых узнаю напряженный и вибрирующий тембр Демьяна.

Кроме меня, мамы и Демьяна кто-то еще появился.

Я приподнимаюсь на слабых руках и сглатываю кислую слюну. В опаске смотрю на маму, которая вытирает мне шею с задумчивым взглядом:

— Да, не зря говорят, что возраст женщины выдает шея и руки, — поднимает взор на мое лицо. — Или ты забываешь мазать шейку кремом? Может, сходить к косметологу?

Я с испуга тут же переключаюсь на недоумение и злость.

— Мам... — обескураженно спрашиваю я, — ты сейчас серьезно? И хватит! — вырываю из ее рук тряпку и откидываю в сторону. — Прекрати!

Обиженно отворачивается от меня и поджигает губы. Складывает руки на коленях и судорожно выдыхает. В уголках глаз блестят слезы.

Она еще и обиделась?

— У тебя же гормоны... — она выдыхает и вытирает слезы пальцами.

Скидываю с себя плед. И сажусь. Ничего не могу разобрать в разговоре, за дверью.

— Кто еще приехал?

— Я в любом случае буду за то, чтобы ты сохранила семью и ребенка, — мама решительно смотрит на меня, — потакать твоим крикам, истерикам я не стану. Сколько таких историй, что разошлись со скандалами, а потом опять сошлись, а как всегда родная мать будет виновата, что поддерживала дочь, в том, что надо разводиться... — прищуривается и шепчет быстрее. — И да, Дина, ты сейчас ведешь себя, как дура, которая будто своего мужа не знает. Чего ты хочешь добиться? Чтобы он в конец озверел?

— Я хочу свободы...

Я встаю, но под волной слабости меня тянет назад на диван. Плюхаюсь на него.

— Ума ты так и не нажила.

— Хватит меня оскорблять.

— Хорошо, — вскидывает руку на дверь, — давай, устрой новые истерики! Давай кричать! Давай бить посуду! — подается в мою сторону. — Помогли тебе крики? М? — щурится сильнее. — Или они помогли тому, что появилась другая баба?

— Да как ты смеешь...

— Давай оккончательно добей свой брак, — мама кривит губы и тянется к тряпке, которую я кинула на пол. Поднимает на меня взгляд. — Сделаешь то, что задумала, больше не будешь мне дочерью. Дверь тебе не открою.

Бросает тряпку в миску с холодной водой.

— Твой отец в гробу перевернется.

— Он мне изменяет, а ты...

— А ты что сделала, чтобы у него не было другой женщины? — встает и скрещивает руки. Продолжает говорить со мной шепотом. — Что? И что ты сейчас собираешься делать?

Я останавливаю себя от крика, что я собираюсь все равно довести дело до развода и что я добьюсь своей свободы, пусть и цена будет высока. Меня ничего и никто не должен связывать с Демьяном, но мне нельзя быть громкой.

Я должна быть тихой и хитрой.

Я встаю и приглаживаю мятый подол платья. Я одна, и надо рассчитывать только на себя. Никто не поддержит, не защитит.

— Кто еще приехал?

— Ваш семейный врач, — мама вскидывает подбородок.

— Его вызвонил Демьян, и сейчас анализы у него, Дина.

Разговор за дверью затихает, и раздаются мягкие шаги. Ручка медленно проворачивается, следует щелчок замочного языка, и в гостиную заходит Демьян.

По его темным и я понимаю, что он теперь в курсе моего маленького секрета. Где-то у желудка что-то вздрагивает болью, а затем по плечам растекается липкая слабость от его взгляда, в котором нет обеспокоенности, а есть какая-то тяжелая решительность, и она не обещает мне ничего хорошего.

— Пришла в себя? — спрашивает он и оглядывается назад. — Заходи, Игорь.

Глава 15. Это не обсуждается

— Оставлю вас, — Мама встает, подхватывает миску с водой и тряпкой и спешно ретируется.

Демьян плотно закрывает за ней дверь и шагает к креслу, в которое он опускается медленно и царственно.

— Здравствуйте, Дина, — Игорь вежливо и сдержанно улыбается мне. Откладывает стопку моих анализов на журнальный столик и садится рядом на диван. — расскажете?

Игорю — сорок лет. Полноватый мужчина с глубокими залысинами и носом картошкой. С нами он около десяти лет. Приятный в общении, очень корректный и говорит всегда тихо без резких скачков до крика или шепота.

— А по мне не видно? — ехидничаю я в попытке спрятать свой страх.

— Давайте я осмотрю ваш синяк и рану на затылке, — придвигается ближе и тянет руки к моей голове. — Сознание у вас чистое и не спутанное, — вновь улыбается, — соглашусь, вряд ли сотрясение.

Демьян внимательно и цепко наблюдает за ним. В какой-то момент он переводит на меня взгляд, и меня будто в холодную прорубь окунает этот взор. Это не глаза, это льдинки.

Я готова расплакаться в любой момент. И не от боли, которая растекается мягкими пальцами Игоря, а от несправед-

ливости.

— Хорошо, это просто синяк, — подытоживает Игорь и начинает аккуратно разматывать бинт с моей многострадальной головы. — Потерпите, Дина.

А я не могу взгляда отвести от Демьяна, который тоже продолжает смотреть на меня, небрежно вскинув бровь.

Я с синяком в окровавленном мятом платье, а он — без царапинки и в дорогом костюме и идеально выглаженной рубашке.

Вот тебе и иллюстрация многолетнего брака, после которого женщина выглядит побитой собакой, а муж — царь, пышущий тестостероном и энергией.

— Так, — Игорь откладывает бинт и встает. — Дина, повернитесь ко мне спиной.

Я выполняю его тихую просьбу.

Когда я отворачиваюсь, то закусываю губы и крепко зажмуриваюсь, из последних сил сдерживая в себе слезы.

— Ей швы наложили, — говорит Демьян, и в его голосе не слышу обеспокоенности или жалости.

— Да, вижу... И швы хорошие, — Игорь вздыхает. — Аккуратные. Я думаю, что повязку можно снять. Могу обработать чуть позже

Игорь отсаживается от меня в свободное кресло и подхватывает анализы, а у меня сердце куда-то вниз живота падает и запутывается в кишках.

— Я посмотрел ваши анализы, Дина, — Игорь вновь про-

бегают глазами по каждому из листков и поднимает на меня взгляд, — у вас сильный гормональный дисбаланс.

Я не отвечаю. Я уже в курсе того, что мои гормоны решили мне устроить веселую жизнь с обмороками, истериками, болями в суставах.

— И нет, причина не в беременности, — Игорь хмурится. — Срок маленький, но впоследствии она усугубит ситуацию. Я, конечно, хотел бы сказать, что беременность все исправит, но это не так. И вам сорок пять.

Я продолжаю молчать, пусть мне и хочется ответить Игорю грубо и зло. Я все это также знаю и понимаю.

Демьян тоже ничего не говорит. Игоря не перебивает, лишь поглаживает пальцами подлокотник.

Плохой знак. Очень плохой. Когда Демьяна ждет взрыв или жесткие решения, которые для остальных не принесут радости и восторга, он не рычит и не кричит. Он замолкает и вот так поглаживает пальцами подлокотник.

В прошлый раз после такого молчания в кресле он закрыл один из крупных филиалов компании, уволил людей и разорвал несколько многолетних контрактов. Многие бы на его месте не смогли бы так поступить, потому что это серьезный удар по репутации, по доходу, но Демьян поступил. Без сомнений и сожалений, потому что увидел, что филиал может стать убыточным.

Я помню, как ему звонили и уговаривали подумать, а не рубить сплеча, но он был тверд и решителен.

— Беременность будет тяжелой, Дина, — Игорь отвлекает меня от нехороших мыслей. — и есть другие риски поздней беременности... Вы оба немолодые родители, — кидает напряженный взгляд на Демьяна, ожидая, что тот его накажет за правду. Вновь смотрит на меня. Тяжело сглатывает, — решение принимать вам, но я не могу сказать, что все будет легко и безоблачно. Много рисков и очень серьезных, Дина. Я бы рекомендовал прервать беременность.

— Она родит, — твердо и тихо отвечает Демьян, и меня накрывает ледяной волной отчаяния перед его мрачной отстраненностью. — Это не обсуждается.

Глава 16. Не смей даже думать об этом

Я буду рожать, потому что так решил Демьян? Ему врач четко говорит, что есть большие риски для меня, как для роженицы, а он сухо заявляет:

— Она родит.

Я будто его собака.

Или корова, а не любимая жена, чья жизнь и здоровье должно быть очень важно для него.

Но нет.

Его слова как удар под дых. Мне даже тяжело дышать сейчас.

— Вы понимаете, вашей жене нужна гормональная терапия, — Игорь потирает лоб. — Серьезная гормональная терапия, которая будет противопоказана при беременности.

— Она выносит, — безапелляционно заявляет Демьян. — Я понял тебя, Игорь, беременность будет сложной. Значит, надо создать условия для моей жены.

— Ей нужна гормональная терапия, — Игорь переводит на него обеспокоенный взгляд. — Дело не в условиях. Беременность может усугубить ситуацию. Я говорю, как есть. Я не буду какать радугой и поздравлять. Я предупреждаю, что вот это, — трясет стопкой анализов, — серьезно, Демьян.

— Будут новые анализы, — Демьян пожимает плечами, — и обследования. Я уверен, что можно подобрать ту гормональную терапию, которая поможет моей жене. Возможно, мне нам пора менять семейного доктора.

Может, Игорь станет моим союзником, если он так честен в своих словах о моей беременности и не скрывает от меня возможные риски?

Мой муж — чудовище, и я должна спасти себя. Ему по большей части наплевать на меня. Я не жена и не женщина, а инкубатор.

— Мы должны знать о возможных рисках, Дем, — подаю я, наконец, тихий голос. — Мне нужна ложь с красивыми словами и поздравлениями.

Демьян переводит на меня пронизывающий и острый взгляд. Немного прищуривается, будто пытается просканировать мои мысли и спрашивает:

— Так ты согласна, что ты родишь?

Кто бы мог подумать, что у меня однажды случится вот такая ситуация, в которой мой муж не выражает ни любви, ни обеспокоенности.

— Да, — отвечаю я, а у самой все внутри от моей лжи замораживается и покрывает черной плесенью отчаяния.

Демьян коротко кивает в знак равнодушного одобрения. Игорь недоуменно смотрит то на меня, то на Демьяна.

— Ты назначишь новые анализы, обследования, — Демьян поправляет под воротом рубашки галстук, узел которого

го зятянут очень туго. — Если моей жене потребуется быть постоянно под наблюдением врачей, то мы это организуем. С круглосуточным наблюдением.

Главное — не паниковать, но тошнота вновь нарастает, слабость волнами идет к ногам, и мне тяжело сфокусировать взгляд.

— Понял, — Игорь вздыхает и встает. — Надо обработать затылок вашей жены. Аптечку оставил в прихожей.

Выходит.

Я смотрю перед собой в попытке просчитать возможные сценарии в моем ближайшем будущем.

— Дина, — медленно и четко проговаривает Демьян, — Игорь сказал глупость, и тебе не стоит даже размышлять в этом направлении, дорогая моя.

— В каком? — уточняю я, прикидываясь слабоумной дурочкой.

— В направлении аборта, — строго чеканит Демьян, вглядываясь в мои глаза. — Ты не избавишься от моего ребенка.

Я слышу в его голосе неприкрытую угрозу. Мило. Он взял и решил, что мое тело — это его тело, и только он имеет право распоряжаться им, а я... А что я? Тупой инкубатор на ножках.

Мерзко.

Он особо и не расстроится, если при родах откину копыта. Отнесет моего ребенка любовнице на воспитание. Если не нынешнюю обрадует, то, может, новую бабу найдет на роль

матери.

Он не будет тосковать после моей смерти. Я не заслужила такого итога. Это слишком жестоко и несправедливо.

Моя поздняя беременность могла быть радостью, если бы Демьян любил меня, но сейчас он видит во мне досадное недоразумение, с которым он вынужден мириться.

— Я бы и не подумала в сторону аборта, — отвечаю я ему.
— За кого ты меня держишь?

— За наглую лгунью, — Демьян обнажает зубы в жутком оскале улыбки. — Твоя мама сказала, что ты готова взять страшный грех на душу.

Глава 17. Я забираю тебя

Было глупо ожидать, что мама не сдаст меня Демьяну. И, возможно, она даже уверена в том, что поступила правильно и что таким образом спасает меня и мой брак с мерзавцем, который готов угробить меня.

Возвращается Игорь, обрабатывает рану на моем затылке, чем-то жирным смазывает синяк.

Я почти не чувствую боли.

Я заморожена изнутри и снаружи.

Я в ловушке, и у меня проскальзывает в голове страшная мысль, что я не хочу жить, ведь ничего хорошего меня с Демьяном не ждет.

Раз я узнала о его связи на стороне, то он решил, что имеет полное право уничтожить меня физически и морально.

— Я свяжусь с вами, Дина, и обговорю дальнейший план,
— Игорь закрывает аптечку.

— Сначала свяжешься со мной, — мрачно отзывает Демьян и смотрит на Игоря исподлобья. Повторяет. — Со мной.

Какие цели преследует мой муж? Окончательно загнობить меня и свести в могилу? И зачем ему этот ребенок, если у него есть любовница?

— Принято, — Игорь кивает.

Когда он уходит, вновь на наши плечи наваливается тя-

желая тишина, которая при каждом моем вдохе травит меня отвращением к Демьяну.

— Теперь я думаю, что тебе стоит вернуться домой, — наконец, говорит он и прищуривается на меня. — И я так понимаю, что ты сейчас не захочешь оставаться с мамой. Мне показалось, что между вами серьезное напряжение.

— Я не твоя собственность, Дем, — шепчу я и к горлу подкатывает ком тошноты, — и ты не имеешь право так со мной себя вести.

— Как именно? — сидит, откинувшись на спинку кресла. Руки лежат на мягких подлокотниках. — Да, вчера вспылil, признаю, но сейчас я сдержан.

Я могу поверить в то, что Демьян сейчас убежден в своей сдержанности и даже лояльности к истеричной жене. Он же упертый баран, и с ним поэтому было всегда сложно о чем-то договориться.

Я всегда действовала через ласку, уговоры, намеки, а потом отходила в сторонку и ждала, когда у Демьяна провернутся колесики в нужном направлении.

Но сейчас у меня нет ни времени, ни ласки к нему, а у него — любви и сострадания.

— Зачем тебе этот ребенок, Дем, а? — говорю тихо, сдерживая в себе крики и слезы.

Если честно, я уже готова кинуться к открытому окну с визгами, чтобы меня спасли из лап мужа-тирана.

— Я люблю детей, — заявляет Демьян с ухмылкой на гра-

ни оскала презрения. — И я уже говорил, что нам стоило завести троих детей.

Это очень страшно, что приходится вести с мужем такие разговоры, в которых он не видит тебя личностью и человеком.

Хорошо, я перестала быть его любимой женщиной и допустим, что я ему надоела до чертиков истериками, в которых я лишь просила быть вечерами быть со мной и не избегать меня, но разве меня не надо уважать за все прожитые вместе годы?

— У тебя есть другая женщина, Дем, — у меня голос все же вздрагивает подступающей истерикой, — оставь меня и рожай с ней любимых детей.

Он вздыхает с той снисходительностью, которую обычно слышат неразумные дети или глупые надоедливые старики.

Закрывает глаза, медленно поглаживает щеку и выдерживает несколько секунд. Вновь смотрит на меня и с холодной жестокостью отвечает:

— Та другая женщина бесплодна, Дина, — хмыкает, и глаза его выражает пустое ничего. — Еще вопросы?

А я молчу.

Вот оно. Неужели мои жуткие фантазии о том, что Демьян заберет моего ребенка для другой женщины — реальность?

Не настолько же беспринципен.

— Болтаете? — мама заглядывает в гостиную и зыркает на меня. — Надо бы тебе переодеться, но у меня нет ничего

из твоей одежды.

А еще, как вариант, я могла сойти с ума, и моему воспаленному мозгу реальность видится жестокой, несправедливой и гадкой. Может, я сейчас лежу в бреду в гардеробной? Ударилась затылком и вижу реалистичные галлюцинации, в которых мой муж требует родить ему ребенка, и начхать на все остальное.

— Бесплодна? — повторяю я и меня опять начинает трясти.

— Да. Другими словами, если ты не поняла, — Демьян медленно моргает, как тигр перед прыжком на жертву, — не может иметь детей, — переводит взгляд на бледную маму, — Дина переоденется уже дома. Я ее забираю домой. В ее положении лучше быть в родных стенах.

Глава 18. Зря

Теперь я знаю, как ощущается выражение “у меня разбегаются все мысли”. Я не могу никак сфокусироваться и осознать происходящее.

Понимаю только одно.

Я в глубокой жопе.

И интересно, если бы вчера вечером не было скандала с признанием Демьяна о любовнице, то как бы сложился сегодняшний день?

— Ты понимаешь, что эта беременность...

— Будет сложной, — Демьян перебивает меня на полуслове. Сжимает руль. — Я это понял.

Да, я поехала с ним, но какой у меня был выбор? В конце концов, я в любом случае должна была вернуться домой, чтобы, например, переодеться. И найти свои документы.

И телефон.

— Да, возраст, — кивает Богдан, — но если ты прекратишь истерить, то уже будет полегче. Разве нет?

Бросает беглый взгляд в зеркало заднего вида, и аж открываю рот от его наглости и незамутненности.

— Тебе подберут лечение и приведут в порядок, — Демьян вновь смотрит на дорогу, — но и от тебя многое зависит, дорогая.

— А от тебя? А от тебя ничего не зависит?! — повышаю

голос. — Это у тебя любовница! У тебя! Не у меня!

Машина тормозит на перекрестке, и Демьян переводит раздраженный взгляд на светофор. Постукивает пальцами по рулю:

— Ты меня, конечно, разочаровала, Дина.

— Прости? — охаю я и округляю глаза. — Разочаровала?

— Истерики истериками, — цыкает он в ответ. — Крики, слезы, оскорбления, битая посуда, визги... это я могу понять и натянуть на то, что у тебя какой-то там дисбаланс в гормонах, но... твоё желание избавиться от ребенка...

— Я хочу избавиться от тебя! — рывкаю я. — От тебя! От тебя! Я не хочу, чтобы ты был в моей жизни!

Мой крик беспомощности сменяется слабостью, под которой я откидываюсь назад и закрываю глаза на хриплом выдохе.

Затылок касается подголовника. Вспышка боли и я поворачиваю голову вправо. Боль затихает.

— Исчезни ты сейчас... Я бы родила... Я бы не испугалась...

Слезы катятся по щекам без всхлипов и дрожи, потому что на это у меня нет сил.

— Это ты виноват... Ты...

Загорается зеленый свет, и машина мягко трогается с места.

— Я тебя умоляю, Демьян, — перехожу на отчаянный шепот, — заклиная... оставь меня... Давай разойдемся с ми-

ром... Двоих детей мы вырастили, и я ведь заслуживаю если не твоей любви, то уважения... Я всегда была за тебя, всегда на твоей стороне, и ты оплачиваешь мне вот такой монетой?

— Значит, хочешь избавиться от меня? — уточняет Демьян с тихой усмешкой, в которой я слышу клокочущую ярость.

— Да, — отвечаю я без сомнения и жалости.

— Родишь, я заберу ребенка и катись на все четыре стороны, — медленно проворачивает руль вправо. — Не побеспокою. Возьми уже себя в руки, Дина, и включи мозги.

Приоткрываю глаза.

Я не ослышалась? Он предлагает забрать у меня ребенка?

— Я тебе, что, инкубатор?

— С таким отношением, — цедит сквозь зубы, — да. И я понял, дорогая, чего ты хочешь. Развод, свобода и никаких связей со мной.

Я молчу и не моргаю. Я будто попала в вакуум и оглохла на несколько минут, но затем в ушах нарастает пульс и я возвращаюсь в реальность, в которой Демьян зло сигналиит черном в грязных разводах хэтчбеку.

— Ты не посмеешь...

— Думаешь? — Демьян похрустывает шейными позвонками.

— Это мой ребенок...

— От которого ты хочешь избавиться, — Демьян вновь бегло смотрит в зеркало заднего вида, — лишь бы мне пока-

зять, как ты обиделась.

— Ты можешь нас двоих угробить...

— Не драматизируй, — Демьян ослабляет галстук. — Подправить гормоны, правильное питание, хороший отдых...

Вибрирует телефон в держателе, который закреплен на вентиляционной решетке, и на экране высвечивается фотография Макара, нашего старшего сына.

Слабая и немощная, но я оказываюсь быстрее Демьяна. Я резко поддаюсь вперед, протискиваясь между передними сидениями и принимаю звонок с криком:

— Приезжай домой! Помоги мне!

— Мам? Что случилось?! Мама!

— Твой отец слетел с катушек! Приезжай!

Демьян сбрасывает звонок быстрым скользящим касанием по экрану, и вновь откидываюсь назад. Меня всю трясет. Я могу пожалеть о своем решении, но... Демьян меня вынудил искать защиты у сына.

Демьян медленно выдыхает под новый звонок сына:

— Зря, Дина.

Глава 19. Посмеешь ли ты

— Иди переоденься, — Демьян вталкивает меня в прихожую.

Без грубости и резкости, но и без мягкости и нежности. С таким уверенным равнодушием работают санитары в психиатрических больницах.

— А пусть наш сын увидит меня такой! В крови и с синяком!

Я должна затихнуть, потупить глазки и подчиниться Демьяну. Я же прекрасно знаю, что на агрессию и сопротивление он всегда отвечает еще большей агрессией и большим давлением.

Так всегда было.

От него ничего нельзя добиться наскоком, громкими требованиями, истериками и капризами, но сейчас меня перемкнуло, и я не в силах быть гибкой.

А, может, мне надоело быть гибкой с этим моральным садистом, который всегда ждал от меня подчинения?

И я подчинялась! Я любила и стелилась! Я любила и вечно сглаживала острые углы! Я его облизывала, я ластилась, я уговаривала и в рот заглядывала, а когда я сломалась, то стала не нужна.

А я сломалась!

Я агрессию Демьяна после неудачных сделок или долгих

переговоров встречала без страха. Я его умирjala! Я успокаивала его гнев! А он?!

А он что подарил мне, когда мне потребовалось его внимание, его присутствие и его поддержка?!

Задержки “на работе” и измены!

Вот и вся благодарность.

— Ты хочешь все вывернуть так, что я тебя избил, такую бедную несчастную? — Демьян прет в мою сторону разъяренным медведем, — чего ты добиваешься, Дина?

Я отступаю к лестнице:

— Не подходи.

— Решила меня подставить перед сыном? — смотрит на меня исподлобья. — Ты думаешь такое я стерплю, милая?

Я и сама понимаю, что зря позвала Макара на помощь, но к кому мне еще обратиться? Родная мать встала на сторону Демьяна и считает себя правой, а близких подруг, к которым я могу сбежать, у меня нет.

А почему у меня нет подруг? Потому что лучшая подруга для женщины — это подушка. Подруги — это зло во плоти. Они либо мужа уведут, либо науськают до развода из-за зависти.

— Дем, мы ведь можем все цивилизованно...

— Правда? — он делает ко мне еще один шаг. — Цивилизованно — это аборт и крики для сына, что я тебя убиваю? — смеется.

— Тебе Игорь прямым текстом сказал, что я могу коньки

откинуть!

— Но вместе с этим ты заявляешь, что если я исчезну из твоей жизни, то ты родишь, — хмыкает. — Логика потерялась, да? Дело не в гормонах, дорогуша, а в том, что ты решила меня нагнуть. Так не пойдет.

— Это мое тело... — неуверенно говорю я.

— А в нем мой ребенок.

— Не только твой.

— Ты готова его убить, Дина, — щурится, — после этого ты для меня не мать.

— Ты не посмеешь... его отобрать...

— Но ты делаешь все, чтобы я это сделал, — ухмыляется. — С каждой минутой, с каждым твоим словом я прихожу к мнению, что, да, ты мне, как жена, не нужна. И да, я вижу, что ты вряд ли справишься с поздним материнством.

— Что ты такое говоришь... — пячусь и хватаюсь за перила. Поднимаюсь на одну ступеньку.

— Я тебе в открытую говорю, Дина, если ты сейчас, дрянь такая, не заткнешься, не успокоишься, то я закрою тебя до самых родов под охраной, — прищуривается.

— Наши дети тебе не позволят этого сделать...

— Ты решила продолжить игру? Ты решила, что я тут баболовством занимаюсь? — он прячет руки в карманы брюк и смотрит на меня, приподняв подбородок. — Ты решила, что можешь взять меня на понт, Дина? Решила, что позволю тебе втягивать наших детей в твои истерики?

Громкие торопливые шаги, и обеспокоенный окрик Макара:

— Мам!

— Вот теперь вопрос к тебе, Дина, — Демьян продолжает пристально всматриваться в мои глаза, — посмеешь ли ты подставить меня в глазах сына?

Меня начинает трясти от его взгляда. Холодного и оценивающего.

Он ждет того, что я подчинюсь ему, а иначе раздавит без сожалений. Диалог с ним будет возможен лишь с моей зависимой позиции.

— Мам! — дверь распахивается и в прихожую вваливается всклокоченный Макар. — Что у вас... — он замолкает, когда замечает меня на лестнице, а затем переводит взгляд на Демьяна.

Тот медленно и вальяжно разворачивается к нему, не выпуская руки из карманов брюк:

— Наша мама, как всегда, подняла лишнюю панику.

Глава 20. Взрослый сын

Вряд ли Макар подумал что-то хорошее, когда увидел меня с синяком под глазом и в окровавленном платье.

Я всхлипываю, и Макар тут же в мрачном молчании кидается на Демьяна:

— Мам, в машину, быстро!

А маму ведет в сторону под волной жара и потливости. Я хочу броситься к сыну в желании остановить его от опрометчивого шага, но я лишь приваливаюсь к стене.

Демьян получает удар кулаком в челюсть с ухмылкой, а после сплюнув кровь на паркет, он уклоняется от второго удара и ловко бьет Макара под дых.

— Не надо... — шепчу я и сползаю по стене на пол. — Дем, прошу... Остановись... Господи...

Слабость придавливает к полу бетонной стеной. Что же я наделала? Зачем вызвонила сына и втянула его в разборки со взбешенным отцом.

Макар сгибается пополам, хватая ртом воздух и пятится от Демьяна, который встряхивает кулаком.

— Взрослым стал, сына? — спрашивает он. — Поднял руку на отца? Вот как, да?

— Не трогай маму...

— А раз ты у нас взрослый, то и получать готов по-взрослому, так? — делает шаг к Макару. — И у меня вопрос, Ма-

карушка...

— Демьян... — протягиваю руку, — прекрати...

— С чего это вдруг ты решил, что это маму раскрасил сиячком? А? — еще один шаг, и в голосе Демьяна вибрирует злое разочарование. — Я ее раньше бил? М? Тебя или сестру?

Макар спотыкается и оседает на пол, пытаюсь отдышаться.

— Но, сына, — Демьян наклоняется к нему, — я всегда за то, чтобы ты повзрослел. И ты у нас повзрослел, да, потому что решил, что в силах защитить маму? А вместе с этим приходит большая ответственность.

— Демьян...

— Замолчи, Дина, — шипит Демьян и оглядывается через плечо, — ты на что надеялась, когда орала, как резанная, в мой телефон, м?

— Не знаю... Дем, прошу, оставь его...

— Оставлю, — отступает от Макара, который наконец смог откашляться, и скалится в улыбку, — стартапы его тоже оставлю. Он же у нас взрослый мальчик, — вновь смотрит на бледного Макара, — посчитал, что в силах с папой побороться. С папой, который его жопу прикрывает, — клонит голову набок, — вижу, что теперь сам справишься.

— Какого черта, пап...

— У меня к тебе тот же вопрос, — Демьян щурится и вытирает кровь с подбородка, — это я тебя учил прыгать на отца? А?

Макар переводит на меня недоуменный и напряженный взгляд, и меня выворачивает на паркет горькой слизью.

— Мы вчера с твоей мамой повздорили, — тихо и холодно поясняет Демьян, — она решила, что уходит от меня и побежала собирать вещи. На нее упал чемодан, а после она разбила ко всему прочему и голову.

Прижимаю ладонь к губам и тяжело дышу.

Лучше бы я вчера умерла.

— И сегодня выяснилось, что она беременная, — Демьян садится перед бледным Макаром, — срок максимум две недели.

— У него любовница...

Демьян переводит на меня тяжелый и разочарованный взгляд. Может, мне, правда, пора лечить голову, раз я не могу заткнуться, когда понимаю, что сейчас лучшая тактика — молчать?

— Но это не твоя проблема, Макар, — Демьян вновь смотрит на сына.

— Как ты... Почему?

— Оставь эти детские вопросы для налоговой, например, — Демьян недобро прищуривается. — Мать тебя сейчас крупно подставила. Ты молодец, что приехал на ее зов о помощи, но... давай, докажи, что ты в силах маму-истеричку защитить, от тирана-отца.

— Пап, ты не в себе...

— В себе, сына, — Демьян улыбается шире, — и мне сей-

час твои разговоры ни в одно место не уперлось.

— Зачем ты так с сыном? — выдыхаю я.

— А как? — Демьян не спускает взгляда с Макара. — Мне его сейчас по голове погладить за то, что в рожу дал? Или еще денег дать? — вздыхает, продолжая вглядываться в глаза сына. — Хочешь побороться за мать? Дело благородное, не спорю. Мамочка ведь самое дорогое у сына, да? А папа так, кошелек на ножках, и решала, когда перешел дорогу не тем людям, да?

— Пап...

— Уважения к отцу никакого, — хмыкает. — Я тебя, мелкий говнюк, отпускаю во взрослую жизнь с концами. Захотел побыть мужиком, то будь.

Он встает, подходит ко мне и вытаскивает из нагрудного кармана платок, который протягивает мне:

— Держи, милая.

Я резко выдергиваю платок из его пальцев. Его широкоплечий силуэт размывается за пеленой слез.

— Приведи себя уже в порядок, а я пока обед приготовлю.

Глава 21. Какого черта?

— Так... это папа или...

— Нет, — едва слышно отвечаю я. — Это не папа.

Я сейчас будто вынырываю из алкогольного опьянения и понимаю, что я не просто оказалась в глубокой заднице, но я еще саму себя затолкала поглубже. И прихватила сына.

Видимо, гормоны ненадолго стихли.

— Зачем ты тогда так кричала? — спрашивает Макар, а я в ответ лишь моргаю, глядя перед собой.

Побороть Демьяна может лишь мягкая сила.

Так всегда было.

— Мам, если это был не отец, то зачем ты кричала, что он слетел с катушек?

С катушек слетела я.

Дрожащими пальцами вытираю слезы щек. Синяк ноет от скользящих прикосновений. Перевожу взгляд на Макара:

— Гормоны.

Я и сама сейчас слышу, что мой ответ вышел глупым.

— Что? — Макар приподнимает бровь.

Да я бы сама не поверила, что гормоны могут так ударить по голове, что потеряешься среди криков и слез.

— Мам, ты сейчас серьезно? — в глазах Макара проскальзывает недоумение и с искрой раздражения.

Я действительно подставила сына, пусть и из-за страха.

Демьян никогда ни на кого из нас не поднимал руку, а я решила сыграть на этом. Не надо быть моим мужем, чтобы понять, что это — оскорбительно.

— Ты так кричала, будто он тебя убивал! — Макар смотрит на меня тяжелым и разочарованным взглядом. — Что я должен был подумать?!

Я ведь специально так кричала о помощи, чтобы Макар точно сорвался к нам в панике и страхе за мою жизнь.

Оправдание, что я искала защиты, слабое, ведь за почти двадцать пять лет брака я знаю, что с Демьяном надо иначе.

Без криков, слез, угроз, шантажа и тем более без попыток настроить детей против него.

Что я наделала?

Меня опять начинает трясти.

Вспоминаю рекомендацию гинеколога отслеживать приливы по времени, чтобы потом отследить закономерность, если она будет. Это поможет при подборе и назначении гормонотерапии.

— Сколько времени? — спрашиваю я у Макара.

— Что?

Я точно выгляжу сейчас в глазах сына ненормальной психичкой, которая после слез и всхлипов спрашивает про время.

— Так, подожди, — прикладываю пальцы к вискам, в которых пульсирует кровь.

Меня скоро опять накроет паникой. Я прям чувствую,

как в кровь впрыскивается истерика, которая выключит мой мозг.

Это страшно.

Вот как чувствуют себя шизофреники или другие сумасшедшие, когда к ним волной катится приступ безумия?

— Да, я должна сначала привести себя в порядок, — неуклюже поднимаюсь на ноги и крепко зажмуриваюсь.

В мозгу вспыхивает идея сбежать сейчас с Макаром от Демьяна. Пусть сын увезет меня из этого ада, но... правда ли это поможет мне?

Я вспоминаю угрозы Демьяна. Нет, он не шутил и не кокетничал. Мне надо его сейчас усмирить, а не взвинчивать.

Я ведь и в юности знала, что выхожу не за мальчика-тихушника, а за взрывного парня, который может посреди лекции кинуться на другого студента и устроить драку за тихую и оскорбительную насмешку в его сторону.

У него костяшки всегда были разбиты, и меня его агрессия завораживала тем, что я могла ее усмирить.

— Я приведу себя в порядок... — пачусь и поднимаюсь на одну ступеньку. — Это жуткое платье действительно надо переодеть.

— Какого черта, мам? — Макар тоже встает на ноги.

— Помоги матери подняться! — доносится из глубины дома голос Демьяна. — Она все-таки головой ударилась!

Я сглатываю. Макар растерянно приглаживает лацканы пиджака. Нельзя мне сейчас бежать с сыном, куда глаза гля-

дят.

Это наивно и глупо.

У Демьяна деньги, власть, связи и сила. Ни я, ни мой сын ему не равные соперники, увы.

Недоросли, пусть это и неприятно признавать. На агрессию имеет право только тот, кто сможет ее выдержать и кто готов принять ответ.

— Мам, — Макар смотрит на меня, не моргая, — для чего ты меня вызвонила?

— У него любовница... — обнимаю себя за плечи, — а я беременна...

И все это не проблемы нашего сына. Это проблемы мои и Демьяна, и только нам их решать, а я дура, что втянула Макара в разборки с отцом, который в воспитательных целях жестко поучит самостоятельности.

— Я думал ты в опасности, мам, — разочарованно заявляет Макар, — а у тебя, оказывается, гормоны. И как я должен решать проблемы с его любовницей и твоей беременностью?

Хорошие и логичные вопросы, на которые у меня нет ответов.

— Макар, ты же умный мальчик, — слабо улыбаюсь я, — ты же и без его помощи справишься, верно?

Макар поднимает на меня тяжелый взгляд, по которому я понимаю, что Демьян не приукрашивал, когда говорил, что у нашего сына есть проблемы с деньгами, налоговой и что он

перешел дорогу не тем людям.

— Ты же говорил, что у тебя все хорошо, Макар, — дрожь нарастает в рука.

— Нет, — честно отвечает он, — это не так.

Глава 22. Я люблю его

У сына мне не найти защиту, и я не имела права его вот так в истерике вызванивать и подставлять перед разъяренным отцом, от которого, похоже, в жизни Макара многое сейчас зависит.

Я поступила не то, чтобы подло, но необдуманно. И не взросло.

Во что вляпался Макар? Какие проблемы решал Демьян? Мысли о сыне меня немного отрезвляют тревогой и страхом за его шкуру. Влез в долги? Оказался втянут в конфликт с опасными личностями?

Вполне возможно.

В нем периодически вспыхивает искра риска, которая в школе, например, приводила к неудачным экспериментам на уроках химии, травмах на занятиях физкультуры.

Смотрю в зеркало. Какое жалкое и страшное зрелище. Половина лица — багровая, волосы — грязные сосульки, а платье — будто из реквизита для фильма ужасов.

— Надо переодеться, — уговариваю я себя и выхожу из ванной комнаты.

На прикроватной тумбочке пару раз коротко вибрирует смартфон, оповещая о новых сообщениях.

Позвонить в полицию и попросить помощи?

Нет.

Мой муж озверел и я сама должна утихомирить его. Если я под гормонами не могу мыслит рационально, то он под гневом теряет рассудительность.

Мне теперь надо успокоить его и ради Макара, который мог влипнуть в серьезную историю, в которой я ему совсем не помогу.

Подхватываю телефон с тумбочки.

А если скрыться от Демьяна в каком-нибудь кризисном центре?

Касаюсь экрана смартфона.

Несколько уведомлений из приложений, рекламные смски из магазина обуви и меха и парочка сообщений из зеленого мессенджера от неизвестного отправителя.

Я бездумно их раскрываю.

Наверное, спам.

Но это не спам.

Пробегаю глазами по строчкам, и не сразу понимаю, что я читаю. Мозг выцепляет из всего массива текста “я люблю его”, “оставь его”, “он тебя не любит”, “вас ничего не связывает”, “ваши дети выросли” и “он тебе ничего больше не должен”.

Поднимаю недоуменный взгляд от экрана смартфона и минуту пялюсь на завитки обоев.

Сердцебиение нарастает с опозданием. Громко бухает в груди, а после на моем выдохе через рот замедляется вместе с волной слабости. Сажусь на край кровати.

Нет, мне не показалось.

Мне написала любовница Демьяна.

Видимо, сегодня ночью она обиделась за его грубость и строгость и решила показаться мне, такая вся смелая, ноглупая.

Что мне делать?

В новой истерике спуститься, забежать на кухню к Демьяну, который жарит стейки, и кинуть телефон с признанием его любовницы на стол?

Нет.

Это решение пахнет фиаско.

Демьян будет недоволен не только моей истерикой, но и любовницей, которая решила из вредности заявить о себе.

Ему точно не понравится, что его шлюха решила мне написать без его разрешения, а мне это невыгодно.

У меня нет цели оставаться с ним в браке и я не собираюсь избавляться от соперницы в желании сохранить наш брак.

Я должна быть хитрой, как сказала моя мама. Закусываю нижнюю губу, печатаю нахалке ответ и отправляю его легким и быстрым касанием:

“Я свяжусь с тобой позже, и договоримся о встрече”.

Взять любовницу Демьяна в союзницы?

Безумие?

Вероятно, но только женщина может избавить женщину от мужчины.

Слышу шаги, выключаю телефон и откладываю его на

тумбочку. Сглатываю ком тошноты, и в спальню без стука заходит Демьян.

Пара шагов и останавливается перед кроватью, на которой я сижу с прямой напряженной спиной.

— Ты еще не переоделась, — глухо констатирует он факт.

Я молчу. Если вякну, то расплачусь. Это все — не дурной сон, а реальность. Моя реальность, в которой мой любимый муж может уничтожить меня и стереть в порошок.

— Ясно, — шагает в гардеробную комнату, из которой он выходит через секунд тридцать с изумрудным платьем из французского шелка. — Тебе, видимо, нужна помощь.

Телефон на прикроватной тумбочке опять вибрирует. Черт. Я стараюсь не дергаться и не показывать вида, что смартфон как-то меня заинтересовал.

Новая короткая вибрация, и Демьян швыряет платье на кровать:

— Встань, Дина.

Третья вибрация.

Проклятье. Демьян кидает взгляд на мой смартфон, который, слава всем богам, лежит вниз экраном, и вновь смотрит на меня.

Я не моргаю и медленно встаю.

Четвертая короткая вибрация, и Демьян недобро щурится:

— Кто так хочет твоего внимания?

Глава 23. Что это уродство?

— Без понятия, кому я сейчас потребовалась, — тихо отвечаю я.

Мне стоит колоссальных сил выдержать взгляд Демьяна. Я блефую в надежде, что ему будет лень проверять мой телефон, что, конечно же, глупо.

Я не постеснялась потребовать криками помощи у сына, поэтому могла и по телефону к кому-нибудь позвонить и устроить истерику.

Демьян хмыкает.

Он мне не поверил. Он мягко сжимает мои плечи и буквально отставляет в сторону. Подходит к тумбочке и подхватывает мой телефон.

Время замедляется, когда в его руке вибрирует мой смартфон.

Хмурится на экран.

А у меня пот по бокам ручьями скатывается.

Демьян касается экрана смартфона и хмурится сильнее. Его палец опять касается экрана, и я готова уже кричать, но из динамиков звучит голос нашей дочери Марии:

— Мам! Прикинь! Я вам не говорила, чтобы вы не волновались, но у нас вчера была практика в одном и ресторанов Эрика Бомара! — она аж захлебывается восторгом. — Это даже не практика была...

Аудио обрывается, и Демьян вновь касается экрана с мрачной рожей, а я медленно опускаюсь на кровать.

Неужели пронесло?

— Наша группа на один вечер стала поварами. Блин, систему не объяснишь, — смеется, — короче, мам, барабанная дробь... — срывается в радостный визг, — у меня лучшие баллы среди остальных! Я готовила утку конфи, суп карри лакса, лангустов и парочку десертов. Я сейчас фотки пришлю. Папе тоже отчиталась, но он, видимо, занят, и пока не увидел, какая я у него молодец. Блин... надо еще Макару похвастаться.

Зажимаю дрожащие ладони между колен, а Демьян подносит телефон к губам и говорит в динамик:

— Да, милая, папа замотался чуток, — вздыхает, — но мама не дает мне быть безалаберным отцом. Ты у нас большая умничка. Мы тобой гордимся, и... у меня аж слюнки потекли на твои фотографии, но... я тоже тут кашеварю... У нас сегодня стейки от папы.

Говорит ласково и вкрадчиво, но сам он весь напряжен, будто перед ударом. Убирает палец с экрана и протягивает смартфон мне:

— Будь добра, скажи пару ласковых нашей дочери. Без слез, Дина. Хватит и того, что ты нашего сына решила наравить против меня.

Торопливо выхватываю телефон.

Дочка меня спасла, пусть и не знает об этом. Зажимаю

на экране значок микрофона, глядя на Демьяна, который в ожидании скрещивает руки на груди и вскидывает бровь, и натянуто улыбаюсь, придавая голосу лживую беззаботность:

— Ты у нас правда большая молодец. Когда ты прилетишь домой, то я точно потребую с тебя утку конфи.

Отправляю аудио-ответ Марьяше и мельком смотрю на фотографии красивых до вычурности блюд, а затем закрываю беседу с дочерью.

В чате с любовницей Богдана так и нет ответа, а мое сообщение судя по одной серой галочке так и не прочитано.

Торопливо выключаю телефон и откладываю его в сторону.

Все-таки пронесло.

— Дем, я сама в силах переодеться, — вздыхаю я и избегаю взгляда Демьяна, — мне не нужна твоя помощь.

— Да? — с усмешкой спрашивает он. — Хорошо, переодевайся.

Он не уходит.

— Ты меня не оставишь? — едва слышно уточняю я.

— Я твой муж, Дина. Чего ты стесняешься? — усмехается. — Я тебя не раз видел без платья. Без белья.

— Все изменилось...

Но я должна сыграть по его правилам, чтобы усмирить его гнев и подозрительность. Моя новая истерика, что он поступает со мной гадко, требуя неловкого и унижительного стриптиза.

Я должна подчиниться и создать иллюзию того, что он сломал меня.

Дрожащей рукой тянусь к боковому замку платья и медленно его расстёгиваю. Нарастает новый приступ тошноты.

Я неуклюже встаю на ноги.

Демьян не сводит с меня тяжелого и мрачного взгляда. Подхватываю подол и торопливо стягиваю платье через голову.

Я чувствую взгляд Демьяна на своем теле, и я прикусываю кончик языка, чтобы сдержать рвотный позыв.

Как же унижительно.

Откидываю грязно платье в сторону и в спешке сгибаю изумрудное. Поворачиваюсь спиной к Демьяну и крепко-крепко зажмуриваюсь, пытаюсь выровнять дыхание.

Не зря в тюрьмах заставляют заключенных полностью раздеться в первый день их срока. Это деморализует до липкой холодной дрожи и обнажает не только тело, но и твою беспомощность перед властью другого человека.

Я путаюсь в рукавах платья, и меня начинает трясти от страха. Если Демьян сейчас накинется на меня, то мне не отбиться, а он может это сделать, чтобы окончательно меня уничтожить.

Я в панике просовываю голову через горловину платья и слышу разочарованные слова:

— Тебе бы белье сменить, Дина.

Озадаченно оборачиваюсь.

— Что за гадость ты носишь? — поднимает недовольный взгляд. — Ты мне объясни, всех женщин после сорока тянет на уродские трусы?

Его верхняя губа дергается в презрении, и он выходит из спальни, потеряв ко мне всякий интерес.

Глава 24. Я не верю

Обед проходит в жутком молчании, и я в очередной раз думаю о том, что вновь проигрывает сцена из жестокого триллера, в котором муж-тиран сошел с ума, но вместе с этими невеселыми мыслями я то и дело возвращаюсь к моим трусам.

Демьян меня оскорбил до глубины моей женской души не только своим презрительным замечанием, что белье у меня некрасивое, но и тем, что после равнодушно оставил меня в спальне.

Мой “стриптиз” был ему неприятен.

Я должна отвлечься.

Демьяну не понравились мои трусы? Да и пошел он к черту. У меня проблемы посерьезнее, чем его высокий вкус, который требует кружев, чулков и игривых подвязок.

Пусть требует это от любовницы, а мне бы стоило поинтересоваться жизнью сына.

— Макар, — накалываю кусочек румяного стейка на острые зубчики вилки, — что у тебя стряслось.

Да, Макар остался на обед по строгому требованию Демьяна, и теперь я точно уверена, что мой сын сильно зависит от благосклонности отца.

— Хороший вопрос, дорогая, — соглашается со мной Демьян и делает глоток воды. Переводит взгляд на Макара, ко-

торый напряженно жует и смотрит перед собой, — я тут, пока был занят мясом, подумал, что стоит нашей маме быть в курсе о твоих проблемах.

Макар не отвечает и медленно сглатывает.

— Если бы она знала, из какой жопы я тебя вытащил, то она бы поняла, что мои отношения на стороне... — усмехается, — не должны ее волновать.

Макар сжимает вилку. Костяшки белеют, и по всему его телу пробегает дрожь то ли ярости, то ли страха.

— Макар... — я откладываю вилку в сторону и прячу дрожащие руки под столешницу, — что случилось.

Демьян откидывается на спинку стула и ждет от Макара ответа.

— Драка, мам... — сдавленно отзывается он и замолкает.

— Драка? — удивляется Демьян и смеется. — Какая прелесть. Драка, в которой ты и твои дружки отправили таких же, как вы придурков, в реанимацию. Драка, да? Подумаешь проломили пару голов, да? Какая мелочь.

Столовая перед глазами расплывается. Я не могу сделать вдох.

— Понимаешь, милая, мальчики решили поиграть в бандитские разборки, — Демьян усмехается. — Твоему сыну было мало хитрить с черной бухгалтерией. Папа же и эту проблему решил, но его тощей заднице захотелось драйва. Захотелось всем показать какой он резкий и опасный...

— Господи... — шепчу я.

— А резкие и опасные всегда идут по одному пути, — Демьян деловитон закидывает ногу на ногу, — они находят таких же дебилов и пытаются что-нибудь отжать. Или поставить на счетчик.

— Пап, я же говорил... между нами случилось просто недопонимание...

— Закрой свой рот! — гаркает Демьян. — Недопонимание?! Я тебе, мать твою, что говорил?! Вести дела четко, чисто и не прыгать ни на кого! Так ты не просто прыгнул, ты бойню устроил! Мне твоя драка очень дорого вышла!

Демьян бьет кулаком по столу так сильно, что посуда со звоном подскакивает. Встает:

— Недопонимание?!

Закрываю глаза и сжимаю под столешницей кулаки.

— Ты тут сидишь только благодаря мне, — Демьян понижает голос, — и после всего этого ты посмел поднять на меня руку, потому что ты посчитал, что избил маму? Я? — его голос вновь становится громче, — или ты, мелкий говнюк посчитал, что это хорошая возможность забить меня до смерти, ведь твоя истеричка мать обязательно встанет на твою защиту? И солжет, что это было самооборона?

— Что ты такое говоришь? — сипло спрашиваю я и поднимаю взгляд на Демьяна. — Он просто хотел защитить меня.

— Ты плохо его знаешь, — Демьян шурится на меня, — но, — прижимает руку к груди и с угрозой улыбается мне, —

это я виноват. Я. Когда этих ссыкунов раз за разом вытаски-
ваешь из лужи, они начинают считать тебя лохом.

— Пап... я... — Макар опускает взгляд на тарелку, — я погорячился... я понимаю...

— А теперь, сына, давай честно признаешься матери, спо-
способен ли ты потянуть ее без моих денег и без моих связей?
— Демьян возвращается на стул и подхватывает вилку. —
Да, разговор очень неприятный, но знаешь, мне тоже было
очень неприятно улаживать вопрос с отцом того птенчика,
который тоже оказался избалованным мажориком. Мальчи-
ки подрались, а прибирали за ними их отцы!

— Я не верю в это...

— Ой, дорогая, — Демьян с улыбкой поддается в мою сто-
рону, — я вижу тебе резко перехотелось истерить по поводу
того, что я уделяю тебе мало внимания? — его улыбка ста-
новится шире. — Теперь ты точно станешь потише, и в сле-
дующий раз хорошенько подумаешь перед новыми оскорб-
лениями в мою сторону. Я от них устал.

Пока я прихожу в себя, он отбрасывает вилку, поднима-
ется на ноги и размашистым шагом выходит из столовой:

— Оставляю вас, а мне надо отвлечься.

Глава 25. Подключайся к воспитанию, дорогая.

— Мам...

— Замолчи, — выдыхаю я. — Замолчи...

А после я встаю из-за стола и торопливо выхожу из столовой вслед за Демьяном, который уверенным шагом идет через гостиную.

Я знала, что сын у меня не отличник и не мальчик-зайчик, но я не ожидала от него драк с проломленными головами и реанимациями.

— Дем, — окликая мужа в прихожей.

Он подхватывает ключи от машины с третьей полки высокой узкой этажерки и оглядывается.

Под его злым и черным взглядом я забываю, зачем пошла за ним. Резко торможу и буквально каменею.

— Что?

Он сейчас собрался к любовнице?

Перенервничал и ему срочно нужна порция ласки и жаркой близости? Про себя горько усмехаюсь. Вероятно, эта шлюха встретит его в тонких кружевных трусиках.

— Я позвала... Макара, — прячу руки за спину и медленно выдыхаю из себя нерациональную ревность, — потому что... я была напугана.

Демьян из тех мужчин, которые принимают слабых женщин. Как бы мне сейчас ни было гадко, но должна быть с ним девочкой-девочкой, чтобы его немного отпустило.

Щурится:

— Напугана?

Конечно, мой сын должен учиться самостоятельности и сам выграть из проблем, которые создал, но если Демьян сейчас его кинет, то он утонет. Мне обязана смягчить Демьяна.

— Мы сильно поссорились, Дем, — перехожу на шепот. — И еще... этот чемодан на меня упал, — всхлипываю, — а потом я еще упала...

Мерзко от самой себя, но Демьян не сожрет дурочку. Он раздавит и уничтожит агрессивную стерву-истеричку, а к глупой и слабой дурочке проявит снисхождение и даже ласку.

— Я вызову клинера, чтобы убрал кровь в гардеробной, — Демьян сжимает ключи от машины в кулаке и шагает к входной двери. — Сама не лезь.

Обхватывает ручка ладонью и медленно ее проворачивает до тихого щелчка, а затем оглядывается:

— И я серьезно, Дина, давай без глупостей, — недобро щурится.

Я киваю и слабо улыбаюсь, хотя сама хочу Демьяну в рожу плюнуть, но нельзя, если я хочу хоть как-то взять ситуацию под контроль.

Я справлюсь.

Я же с Демьяном прожила почти двадцать пять лет, и благодаря своей ласковой хитрости выводила мрачного мужа на щедрость, ласку и заботу.

— Что-то еще? — с тихой угрозой спрашивает Демьян.

Я справлюсь.

Я должна отринуть ревность, обиду и мысли о том, что Демьян сейчас направится к своей потаскухе.

Я должна сыграть свою роль и усмирить взбешенного дракона.

На цыпочках подхожу к Демьяну, которые цепко и внимательно следит за каждым моим движением.

— Дем, — касаюсь его кулака, в котором он зажал ключи, и заглядываю в его темные глаза.

Замолкаю, потому что моя решимость быть ласковой кошечкой с чудовищем оборвалась чистой и звенящей злобой, будто у меня в голове резко провернули переключатель с положения “милая дурочка” на “разъяренную гарпию”.

— Куда ты, Дем? — спрашиваю дрожащим голосом, в котором четко угадывается ревность и обида.

— Ты, что, хочешь попросить, чтобы я остался? — усмехается он.

Он останется, если я с милой улыбкой шепну ему, что мне будет без него одиноко?

Фу, блин.

Какой отврат.

После любовницы улыбаться ему и упрашивать остаться со мной? Нет, пусть любовница его перетягивает на свою сторону лаской, шепотом и унижениями.

— Ты к ней собрался, да?

Вопрос слетает с моих губ против моей воли, и вместе с ним по всему телу прокатывается волна слабости, которая перерастает в тошноту.

Зрачки демьяна сужаются, и взгляд становится острым и холодным, как лезвие опасной бритвы.

— Да, — честно отвечает он, — а тебе есть что по этому поводу сказать?

— Есть.

Я должна заткнуться.

Может, мне язык откусить и захлебнуться кровью?

— Я тебя внимательно слушаю, милая, — усмехается уголками губ.

— Трус-то она, наверное, кружевные носит, да? — вот сейчас я улыбаюсь Демьяну мило и очаровательно.

— Тебе надо отдохнуть, милая, — Демьян наклоняется ко мне и вздыхает, — опять тебя понесло, да? Может, тебе ромашки попить, Дина?

— Попью, — тихо отвечаю, продолжая вглядываться в жесткие глаза Демьяна. — И постараюсь успокоиться.

— В правильном направлении мыслишь...

— И тебе тоже стоит успокоиться, — четко проговариваю я, — да любви не осталось, но... давай по-деловому попро-

бует.

Сдаюсь. Не смогу я лебезить перед ним, но попытаюсь вывести наши отношения на спокойную и деловую плоскость партнерства, в котором мы больше не любящие муж и жена, но взрослые люди с желанием прийти к консенсусу.

— Да, мне надо успокоиться и немного выдохнуть, — соглашается Демьян и распахивает дверь, — этим я и займусь, — оглядывается, — вернемся к деловому диалогу позже, но сейчас тебе стоит провести с Макаром серьезную материнскую беседу. Подключайся к воспитанию, дорогая.

Предлагаю отвлечься от Демьяна и заглянуть к семье Фроловых, которые ждут вас в новинке “Предатель. Я желаю тебе счастья с другой” <https://litnet.com/shrt/tmx9>

Аннотация:

— Она была рядом, — взгляд у мужа угрюмый и прямой, — когда тебя не было.

Мне тяжело дышать. Мою грудь будто стянули стальными холодными кольцами. Еще чуть-чуть и треснут ребра от давления.

— Я же не могла быть рядом, Миша... — каждое слово отдается в сердце глухим ударом боли. — Это не моя вина.

— Я тебя ни в чем не обвиняю, — отвечает с холодной отстраненностью, — но я должен быть честным с тобой. Да,

у меня другая женщина.

— Как давно? — выдыхаю весь воздух и меня ведет в сторону под волной слабости. — Она уже была до моей операции?

— Да, — коротко и жестоко отвечает Михаил.

Страшный диагноз, два года борьбы за мою жизнь, операция и больше года — кома. Я вернулась к жизни, но меня ждал удар за ударом. У мужа — другая женщина, а наши дети отвыкли от меня и при разводе выберут папу.

<https://litnet.com/shrt/tmu9>

Глава 26. Какого черта?

— Помню, как ты мне рассказывала про мальчика, который кричал про волков, — Макар откладывает вилку и подпирает лоб кулаком, прикрыв веки, — мам, я теперь в полной жопе.

— То есть отец прав, когда сказал, что ты из тех мажоров, за которых их проблемы решают злые папули? — сжимаю под столом телефон.

Я не знаю, как воспитывать двадцатитрехлетнего лба, у которого проблемы с агрессией, с другими охамевшими мажорами, их отцами, налоговой и законом.

Что я могу сказать?

Что бить людей и отправлять их в реанимацию - плохо? И что за это можно самому попасть на больничную койку, либо оказаться за решеткой?

Что я сейчас должна сделать?!

До сегодняшнего дня Макар был для меня серьезным и усердным парнем, который много трудится и каждый рубль от отца вкладывает в свое дело с умом, а он... у меня даже слов нет.

Выходит, что он лишь играл для меня роль.

Я думала, что я свою роль в его воспитании выполнила и что теперь он перешел на новую ступень, на которой он с отцом ведет себя, если не на равных, но около этой позиции.

Но это не так.

Демьян раз за разом вытаскивал нашего сына из задницы, встряхивал, приводил в порядок, чтобы тот вновь влип в какую-нибудь историю.

— Знаешь, мам, — Макар встает, громко отодвинув стул, — не тебе говорить про типичных мажоров, когда ты сама типичная жена-домохозяйка зарвавшегося уроды! Что ты знаешь об этой жизни?! А?

— То, что избивать людей до реанимации нельзя! — взвизгиваю я. — Даже твой отец так не поступал!

— Ох, теперь он у нас праведник?! — Макар смеется. — А какого черта ты тогда так орала, будто он тебя убивает?! Знаешь, что? — рывкает он и пинает стул, который с грохотом падает на пол, — я в ваших игрищах не участвую!

Если бы сейчас тут сидел Демьян, то Макар бы не позволил себя повысить на меня голос. И стул бы не пинал.

— Завел любовницу? — Макар скалится на меня. — А почему ты удивляешься, мам? Кому интересны домохозяйки?!

Сейчас бы Демьян стукнул по столу и рывкнул, чтобы он закрыл свой рот. Нет. До этого бы не дошло.

— Не смей... Я просто хотела от тебя в помощи...

— В чем? Он тебя не бил! — Макар разводит руки в стороны. — Это ты сама в своей истерике умудрилась на себя уронить чемодан! Мне пойти выкинуть чемодан? Или ты ждешь, что я решу проблему с любовницей?! Что ты от ме-

ня хочешь, мам? Ты и я в жопе! И я в жопе благодаря тебе! Спасибо!

После он разворачивается и выходит из столовой, нервно пригладив волосы. Он прав. В каждом из своих грубых и обидных слов прав.

Истеричная домохозяйка, которая не подумала о последствиях.

— Я ушел, мам! — доносится крик Макара и хлопок двери.

Закрываю глаза, и через секунду печатаю сообщение любовнице Демьяна:

“Он поехал к тебе. Я очень надеюсь, что у тебя хватит ума его сейчас так ублажить, чтобы он заснул на несколько часов.”

Для Демьяна близость всегда была важной частью в отношениях. И нет, речь не про жесткие утехы с синяками, вырванными волосами или ссадинами.

Демьян любит сочный, страстный и, я бы даже сказала, смачный секс, после которого он падает на спину в поту и изнеможении и засыпает, а когда он просыпается, довольный и отдохнувший, он сгребает тебя в охапку, нежно и глубоко целует и зарывается носом в волосы, чтобы сделать глубокий вдох.

Он из тех мужчин, которые наслаждаются женщинами и влюбляются в них через близость, если “жертва” открывается его страсти со взаимным голодом.

У нас было так.

Да, симпатия между нами вспыхнула сразу при первом взгляде, но Демьян окончательно потерял голову лишь под одеялом со мной. Я его хотела, я была открыта и ничего не стеснялась, пусть я не имела никакого опыта в горизонтальных забавах.

Вздрагиваю, когда телефон в руке коротко вибрирует.

Неизвестный номер: “Вот это да. Такого я не ожидала. Может, будут советы от жены?”

Я должна избавиться от Демьяна, но на убийство я не пойду и на случайный несчастный случай тоже не стоит надеяться, поэтому я сделаю ставку на любовницу, которая должна перетянуть его к себе лаской, страстью и покорностью.

Он не любит меня, а мужчинам, как бы они ни бравировали, очень важно иметь в жизни женщину, к которой хочется возвращаться.

Отвечаю: “Может и есть пара секретиков, которые бы тебе оченьгодились”

Несколько минут молчания, и прилетает сообщение.

Неизвестный номер: “Ну, поделись. Знаешь, я ожидала всего, но не этого”.

Да я тоже в шоке от происходящего. Ни одна нормальная жена не станет писать любовнице, что доводит неверного мужа до низкого вибрирующего рыка в груди и сильных судорог по всему телу.

Но кто сказал, что я нормальная? Я отчаявшаяся слабая

женщина, которая хочет сбавить психованного мужа в другие заботливые ручки, потому что я кончилась. Меня выжрали до дна.

Я устала.

Не хочу я больше подстраиваться под взбешенного тирана. Меня больше не заводит его агрессия, и я не хочу его умирять, но у меня нет сил и возможностей в открытую противостоять ему.

Я около часа после наглой и откровенной переписки с любовницей сижу за столом со стаканом воды.

Мы не вытянули наш брак до счастливой старости, увы. Надо это признать и жить дальше.

Делаю последний глоток воды, убираю со стола, мою посуду и затем еще около часа пялюсь в окно в гостиную.

Я будто в трансе. Я вижу, как разъезжаются в стороны ворота, пропуская черный внедорожник Демьяна на территорию нашего дома.

Машина сворачивает в сторону гаража и исчезает за кустами.

Вернулся. Могу сделать вывод, что мой муж не получил сладкий сон после разрядки.

Через минуту я недоуменно наблюдаю за тем, как Демьян решительно шагает по главной дорожке среди кустов сирени, а за ним на цыпочках семенит босая стройная шатенка в одном шелковом халатике благородного цвета слоновой кости.

Она плачет.

— Какого черта? — я даже моргнуть не могу.

Глава 27. Побеседуйте, девочки

Я не могу пошевелиться.

Я слышу, как открывается входная дверь дом, слышу уверенные твердые шаги, тихий всхлип и глубокий разочарованный вздох Демьяна.

Он привел в наш дом босую любовницу.

Зачем?

У него крыша улетела в стратосферу?

— Я вернулся, дорогая.

Я вздрагиваю от голоса Демьяна как от сильной оплеухи, но не оглядываюсь. Так и пялюсь в окно.

— Поздравайся с моей женой, — хмыкает он, — с хозяйкой этого дома.

Тишина в несколько секунд, и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.